

49 ОТТЕНКОВ
ИНДИГОВО-
СИРЕНЕВЕНЬКОГО

Irin Matsumoto

ред. Евгений Связов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айрин Мацумото

49 оттенков индигово-сиреневенького

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70935682

SelfPub; 2024

Аннотация

14.2.2012, (22-ой год от Явления Ангела). Юридический Статус Среды: 22-ой год подготовки к битве за выживание человечества, 40-ые сутки «код-оранжевый» по РИ и союзникам (полная боевая готовность к объёмному фронту, "в окопах" – 100% населения, пережившего подготовку). Интервью с топ-3 певицей Российской Империи про полгода стартапа, не охваченные ранее интервью с дедом/отцом и новостями в СМИ: "история Золушки + корректная ведическая соционика + макромаркетинг". Включает приватную исповедь первого мужа, топ-1 цивилизации мастера шиноби и информационной войны, содержащую ключевые понятия соционики. НИШЕВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: текст 1) НЕ предназначен для лиц вне ведического/буддистского/японского культурного кода; 2) содержит корректно описанную внутреннюю реальность 5-ой варны (игроводы) и категорически НЕ рекомендован для лиц вне 3-ей (управленцы), 4-ой (стиратели проблем) и 5-ой варн.

Айрин Мацумото

49 оттенков индигово-сиреневенького

Дата интервью: 14.2.2012, 22-ой год Ангельской Империи,

Юридический Статус Среды: 40-ые сутки «код-оранжевый» по Российской Империи и союзникам (полная боевая готовность к объёмному фронту).

Всем привет.

Ну, наверное, правда – всем. Не только моему бедному фан-сообществу, неоднократно рваному на обожателей и ненавистников разными информационными бомбами. Включая всех, кто ощутился чудовищно преданным той информационной супербомбой, и часть ненависти досталась и достаётся мне.

Сегодня я собираюсь в... почти в прямом эфире задрать подол по подбородок. И наверное, вы тоже это радостно слушаете.

И, наверное, это интервью-исповедь попадёт даже в ортодоксальный культурный мейнстрим Империи. Потому что в нём будет – зачем вообще было разделение культур.

Вы, надеюсь, это читаете, а не слушаете. Хотя я – в студии, идёт запись.

Видео не будет, чтобы не грузить каналы. Ну и – хер вам, а не выражения моего лица в процессе рассказа.

Кому интересно – я в студии эфира. Сижусь с банкой пайкового мультицитруса, водичкой и пачкой сигарет.

Учитывая, что я собираюсь высказать, мне разрешили курить в студии.

Э-э-э... предчувствуя непонятку – кто разрешил? Кто мне что-то может разрешать?

Я, само собой, могу добыть эшелон микрофонов и прочей техники. Но не люблю на ровном месте засирать классную аппаратуру. Но сегодня я поговорила с микрофоном, объяснила ситуацию, и он мне разрешил дымить недалеко от него. И даже прямо в него. Только вытяжку включить.

Ага. Это я, самый общительный человек страны. Договариваюсь с ками микрофона и всё такое.

Ну и в полном соответствии с уложением о табаке – собираюсь пообщаться с духами. Историю призвать и всё такое. Хотя у нас – оранжевый код, и История, наверное, тоже где-то в окопе с пулемётом и ножиком.

Меня тут развели на интервью про неизвестную часть моей жизни. То есть – ответить на вопрос, как всё началось.

Про детство дед рассказал – всё что с хотел нужным.

Про большую часть жизни – есть почти всё в официальных источниках, не считая слухов в фан-сообществах. А вот между ними – пятно в полгода. Про которое ничего толком не известно – и которое набито фантазиями и слухами до критической массы. Вплоть до требования проверки ДНК регулярно, а не один раз при вступлении в наследство.

Ну, я долго отбрыкивалась тем, что это не моя тайна. И я не буду об этом рассказывать, пока младшая не получит Гражданскую дееспособность.

И как-то надеялась, что вопрос зависнет до 2012-го, а там, может быть, станет не до того.

Но. Младшая получила Гражданство поперёд полозрелости.

А интервьюер докопался, чья это может быть тайна и выбил разрешение рассказать, как есть, только не тыкая пальцем. Хотя все и так догадаются.

А тот, чья тайна, навесил пендель. Цитирую: «Ри-и-ин, там, поди куча народу не готова умирать в бою, пока не узнают. Ты их просто убиваешь молчанием».

В общем, я всё понимаю, но чувствую, что меня – подзажало. И, извините, но – выдавило. Надеюсь, на бумажку, а не прямо в уши.

А, да.

Про картинку.

Мне из-за стекла из-за пульта записи суфлирует и направляет... не Маха. Сегодня я в паре с бабой Люкой.

Это – потому, что у неё я не смогу отнять и отредактировать запись. И потому пытаюсь записать в один дубль, типа прямой эфир.

Ну, мы, в целом, собирались было в эфир. Но решили, что половина плюс аудитории всё равно будет слушать в записи. Или вовсе в тексте. Так что лучше – сразу записывать.

Заодно, если что, баба Люка меня не сразу пристрелит, если я начну не те тайны выдавать, что разрешили в этом интервью.

А я её – не смогу, хоть она старенькая уже.

Потому что я – в обычной тактике и с одним пистолем. А она забаррикадировала нас в студии, натянув полный оборонительный экзоскелет и прихватив, помимо штатного пулемёта, пару револьверных гранатомётов, – тех, что для комнатной перестрелки с танками.

Сказала, что не исключено, с моей-то кармой, что первый портал может открыться мне на голову. А не в коридор, где...

Короче, ладно. Вы сами сейчас, наверное, как-то так же сидите. Оранжевая боевая готовность по стране. И вообще по цивилизации, потому что перевалочную станцию вторжения уже видно в телескопы любому изобретателю.

Это – про картинку.

Теперь про интервью.

Настоятельно рекомендую – рекомендовать читать.

Потому что, несмотря сдвиг культурного кода от времён тех событий, они всё ещё – история безумия, полная нешуток в фантике шутки, историй психических заболеваний, включая сексологические, извращений всех сортов, нервов и истерик. А так же, фоном, пяток государственных тайн особой важности. Про которые все, кто может, уже всё равно догадываются и мне разрешили их раскрыть.

Не знаю, как это интервью озаглавят. Не исключено, что сорок девять оттенков рыжего. Или сорок девять оттенков сиреневенького. Или – индиго. Хотя тут подойдёт сорок девять оттенков сиреневенько-индиговой рыжины.

Надеюсь, в названии не будет намёков на наркоту. Типа «трип». Потому что та неделька была почти на трезвую голову и точно без наркоты. Хотя очень похоже на многодневный наркоприход. Но на самом деле – наоборот. С чудовищно быстрыми ломками и похмельями. И «чудовищно» тут – не междометие, а инженерный термин.

Ну и ещё я стеснялась всё это рассказать, потому что это грёбаная сказка про бомжиху и принца, которая выглядит полной пропагандой. И я не хотела рассказывать правду и нарываться на вопли хейтеров, что я вру рекламу. Но, блин, было всё именно так, как ниже.

И, раз уж вы хотите исповедь – я вернусь в то местосто. В то, какая была там. И расскажу всё, как было, включая

тогдашние мысли и эмоции.

*Хотя – внимание, внимание! – это сейчас я такая наби-
тая учебниками и опытом, и потому у меня хватает слов
и образов описать словами тогдашние мысли и эмоции. И
я постараюсь вернуться туда и описывать так, как дума-
ла тогда. Но местами наверняка буду умничать. И не по-
думайте, что я тогда была такая умная. Ни хрена. Дура.
Эталонная идиотка в самом эпицентре смысла «не желаю-
щая думать про»*

*Как обычно, сложно точно сказать, когда всё это нача-
лось. Там есть момент, когда всё закончилось. И после это-
го момента, в диалогах, было сказано почти всё про то, что
до этого момента. Так что начну я с этого момента.*

Момент был очень простой: я поняла, что умру. Что моей
кармы не хватило, и моих сил не хватило, чтобы выжить, и
потому – я умру. И у меня – выбор: или пару дней биться в
агонии, или шагнуть под машину.

Я не паясничаю и не преувеличиваю. Объяснение – ниже.
В конце того самого 9-91 я стояла почти на остановке воз-
ле тогда ещё не совсем главного офиса Арт Корп и проща-
лась.

Мозг работал плохо. Сил на эмоции почти не было. Оста-
валась только боль, которую уже сложно было терпеть. Так
что я тихонечко стыдилась деда, что воспитал такую дуру.

Ну и молча плакала под дождём, что мне очень не везёт, а переступить себя – не могу. А тело, кстати, тряслось от холода и температуры.

И да... для понимания, как это – со стороны в глаз.

Фотки из первого номера «Экзисты» все видели. Так вот, «узкожопая сушёная доска невнятного пола и ориентации», цитируя хейтеров, – это я уже отъелась по сравнению с тем моментом у остановки. И одета я была в антикварные ручной работы, мягко говоря, кофту с юбкой и те самые ботинки, которые единственное, что осталось от той жизни и которые все знают.

И, начиная открывать страшные тайны. Вот тогда у меня родной цвет волос был вообще скорей серый с рыжиной. И немый месяц. И – обхерачка волос. Стрижкой и тем более причёской такое – нельзя... короче, по порядку и в диалогах.

В свете недавно прогремевших мимо меня речей Ангела про беглых подростков-психов и про членодевок, я не понимала, чё это от меня шарахались. А тогда у меня – ни телевизора, ни радио, ни газет. А пересказы от тётки слушала в треть-уха, потому что мысли были про работу найти и пожрать.

Вот такое вот задрипанное тощее мелкое рыжее лопухое хрен знает что – стояло.

Я – стояла. Плакала. И грустила. А потом, выпевив взглядом грузовик, под который шагну, громко сдумала миру «извините, прощайте». А в ответ, мгновенно, прилетело невнятное, но мягкое «погодь ещё минутку, пожалуйста». Мягкое – это не про выбор, делать или нет.

Так что грузовик всё-таки проехал мимо. А я начала было из тихого грустного плача – в рёв презрения к себе, что я – слабачка. Даже убиться не могу. Но тут меня внезапно спереди завернули в кожаный плащ, а спиной прижали к груди, обняв руками живот.

Я – дернулась вырваться.

На меня мягко рывкнули шёпотом:

«Не! Ты – попалась, зверуха дикая лесная. Так что сиди за пазухой и грейся. Нефиг было орать жалобно на всю улицу».

И вот это «зверуха дикая лесная» – приморозило. Потому что очень точно попало. И дошло до мозгов. И прострелило чувством, что – да, так я и есть. Ну, рысь, которая мечется по городу и не может спастись от него. Или белка заблудившаяся. Или лиса, покусанная больными собаками.

Эмоции, в целом, не поменялись. Просто ушло желание вырваться.

А ещё со спины шло тепло. Которое...

Есть тепло от лампочки. От чугунины отопления. От ковра. От каменной печки. От собаки. И от человека. И меня от этого человеческого тепла – разжало, как разжимает мышцы с мороза. Я – расслабилась, и почти потеряла созна-

ние. Но – вздёрнулась.

А он сказал:

«Так, барышня. У вас... лёгкие – воспалены, работают процентов на двадцать, почки – воспалены, забиты соплями, еле работают, организм истощён голодом, и высушен, ибо пИсать очень больно, ну и печень говорит, что ещё пару-тройку часиков и она отказывается в таких условиях работать и поддерживать температуру под сорок. Так что вам – в больницу. Вот вообще срочно бегом прям сейчас».

Я – постояла, собирая мысли в кучу и сосредотачиваясь. Потом отодвинула плащ и изобразила руками, пытаюсь отупевшим мозгом довести громко думая... короче, я промаячила, что я – убила мента и меня ищут. Ну, мне, в общем, было уже пофиг. Я – уже ушла в следующую жизнь. А тело работало на привычках. На программах. На программе общения с дедом и учительницей.

Он – призадумался. Я – опять начала уплывать, но очнулась. От того, что меня повернули и в меня заглянули два красных – угольных! – глаза из-под чёрного капюшона.

Ну, диагноз выше – вы слышали, и состояние мозга можете представить. Так что мозг как-то машинально отметил, что, судя по идеальности лица, это – чёрт. И, наверное, ад есть и за мной пришли. А может, я вообще уже там, и поясница и вообще всё внизу живота – это от сковородки.

Так что когда чёрт в легком «ничоси» задрал бровь, я вообще не отреагировала.

А когда он спросил:

«Поженимся что ль?»

Я ответила «конечно», и – отрубилась.

Само собой, пару лет спустя я всё это в сомедитации извлекала из бессознательного в обычный опыт. Но в рамках интервью, следующие три дня, которые без диалогов – кратко.

В общем, меня завернули в плащ, подняли и понесли. Взглядом отшугнув юношу в костюме с галстуком под зонтом.

Занесли в падик почти следующего дома по улице, подняли на третий из трёх этажей. Занесли в квартиру, в ванную и сложили на пол.

Ванная была... ну, сейчас это типовая гермокамера-бассейн с регулицией вытяжки и расщепителем воды с регулировкой кислорода в воздухе и водорода в воде. Только это был 91-ый год, и я была в прототипе «куска подлодки».

В ванной закрыли дверь, врубили парообразование, налив воды и насыщение воздуха кислородом.

Потом в ванной появился надувной матрас. Меня переложили на него. И начали раздевать.

Тут я чуть-чуть приподнялась в сознание. Ровно настолько, чтобы перестать сдерживать в себе свой кошмар и задержаться с воплями «да, нет, не надо».

Мне... ну, прилетел успокоенчик. Некая пронзительная – до глубин, несмотря на потерю сознания, – мысль, что всё норм. Просто в одежде в ванной – неправильно. И коли мне охота прикалываться с потерей сознания – то с меня снимут. Ну или можно очнуться и – самой.

Я – не пришла. Ибо ещё не решила, выживу ли. Или ну его. Ну и почки ломило уже очень. И терпеть это уже сил не было.

Так что меня – раздели, выкинули одежду за дверь. Уложили почки в воду, а голову – на матрас.

И оставили на минутку.

Выживать дальше мне вообще не хотелось. Ну, потому что даже если я поправлюсь, то – снова всё то же самое. Безработица. Голод. И я опять там же. Только – под Новый Год замерзаю в сугробе. Ну, или всё-таки сорвалась и покатила по панели, и, наверное, лежу в сугробе, как-нибудь взаимобившись об какого-нибудь клиента или даже банду.

Опять я забегая... В общем – коротко:

Он вернулся. Попытался влить через трубочку из бутылки. Но у меня зубы были стиснуты и не залилось.

На меня – посмотрели. На меня. Я тупо злобно подумала, что нахрен всё и сдохну.

Он вышел, вернулся с пятком двадцатикубовых шприцов. И нахерачил подкожными уколами. От чего тело разогрелось и призадумалось, что, может быть, выживет.

Потом он слил ванну, положил меня на матрас и побрил

внизу. Забрав, а не слив волосы.

И у меня возникло, чуть-чуть, ощущение, что у меня тело немножко отобрали. Ну, то есть оно – моё, но в совместной собственности с ним. И меня от такого начало подбешивать.

Ну а потом он сделал мне клизму выбить запор. И я сдохла от стыда. От стыда за что – ниже.

Сдохла – это я заорала, сердце встало, а я вывалилась из тела, и собралась было сбежать и спрятаться.

Но меня не пустили. Мягко удерживая, как нассавшего в углу котёнка за шкурку. А потом на меня рывкнули:

«А ну марш в тело и жить!»

И я – в тело и жить.

Вздохнула, сердце застучало.

А меня накрыло бессильным бешенством.

Решила, что – хрен с ним. В коме поваляюсь, пялясь на разные картинки.

Ну и денька три – валялась. Пялясь в разные картинки. Сначала – очень страшные и мрачные. Пока не выдернуло из картинок первый раз. Вообще выдёргивало три раза.

Первый – в ванной. Мы лежим в воде, я – на нём. Он – в штанах, майке. И от него – хлынула настырная заливка энергии через нижнюю чакру. И тело... ладно, я целиком, не выходя из комы, стону и ору в оргазме. Без единого его движения, просто на потоке энергии и мыслеформе.

Я это даже тогда смутно запомнила.

Второй – когда исчезло ощущение его рядом. А появилось

– какой-то тётки. Я заплакала от одиночества. Прилетело, что меня не бросили, а просто отошли. И – успокоилась

Третий – когда из ванной переложили на кровать. Смыв всё, что из меня выдавило и высосало клизмами в паро-ба-рокамере с препаратами в воздухе и солями и водородом в воде.

Точней, чуть очнулась, не когда переложили. А когда захотелось поссать, а – кровать. И или – приходить в себя и идти, или – ссать в кровать. После ванной было привычно не приходить в себя. И вот когда я обоссалась, а подо мной за полминуты поменяли простынь и обмыли... ну, в общем, от обмыва выглянула из картинок посмотреть, что там.

А потом рядом с телом появилось ощущение, что ко мне вернулась часть меня, которую я отдала на растерзание в пропасть с голодными гнилодухами уродцами, и которая со всей силы тянула меня за собой. А я была готова умереть, лишь бы не свалиться. И все силы и воля – на то, чтобы не свалиться. На остальное – не хватало. А теперь – всё. Не тянет. И, наверное, я смогу жить дальше.

Повалилась без сознания ещё немножко, проверяя, не показалось ли. И – пришла в себя пописать.

Это я сейчас помню, что было. А тогда в памяти осталось – я бегу за автобусом, а он меня не дожидается. И я понимаю, что силы – всё. И сейчас меня добьёт боль и холодный дождь. И иду под грузовик, чтобы быстро и наконец, стало

не больно. Потом вроде было что-то ещё.

А потом – щёлк, и я – лежу на кровати под одеялом. Голая. Бритая. Без температуры. Почти без боли. Только слабость – лютая. И очень хочется писать.

И первое чувство – стыд. Что меня, само собой, рассмотрели и всё увидели.

А потом у меня наступил шок. Потому как на одеяле под рукой лежал парик. Из моей косы. Которую я продала и продала месяц. Но от которой не смогла отцепиться, от чего начала болеть.

И поверх всего налило эмоций. Стыда с непониманием, что происходит. Безумной ярости, что – не отдам. Паники, что я не знаю, что я буду должна за возврат моих волос и не проще ли будет сдохнуть.

Но я всё это – через нимагу убрала под мрачное каменное лицо. Встала, замоталась в простыню и пошла писать. В процессе найдя под простынёй клеёнку и добавив себе повода стыдиться. И, кстати, встать и замотаться – это было сложней управления в хлам пьяным телом. Оно ну очень не хотело шевелиться.

Выползла в коридор. Услышала за закрытой дверью на кухню клацанье клавиатуры. Именно клацанье. Ну, первое поколение клавиатур. Тогда – даже не поняла, что это за звук. Напугалась. Рванула в туалет.

Пописала.

И накатило лютым голодом. Просто неудержимым. Ну

просто очень хотелось ворваться на кухню и жрать. Поубивав всех, кто между мной и холодильником. Ну, или отдавшись им во все дыры, если поубивать не прокатит.

Так что я сцепила зубы и решила, что надо отсюда бежать как можно быстрее. Зафиксировала лицо, чтобы эмоции не пробивались, и пошла на прорыв.

Ну, в смысле, решила, что сопру одеяло, найду что-нибудь на ноги и уйду, не отвлекая хозяев.

В комнате ждал сюрприз.

Пока я сидела в туалете, клеёнка с кровати исчезла, а на кровати лежали пушистые носки, трусы, футболка, белые хакама и толстая белая толстовка. С принтом. Иероглифами. «Ассоциация боевых искусств Эдо». Которые с минимальными изменениями читались «Объединение путей проложит путь через Эдо». Ну и надо знать, что старая столица Японии – монастыри и культурный центр.

Ну и ещё – понимание, что у меня точно нигде не написано, что я внезапно знаю японский. И – полная невера, что вот тут, если я ещё в России, могла взяться толстовка с этим принтом.

Только вот тут у меня из памяти выскочило лицо. Идеальное лицо чёрта, который поймал меня в прыжке под грузовик.

И мне стало жутко, что я – в кошмаре. В глюке, В его сневидении.

Я – ущипнулась. Было больно. Но не помогло. Глаза по-

давила – тоже не помогло. Не менялась картинка. И надпись оставалась на месте.

Повисела в мысли поломать шаблон и сбежать без одежды. Или вообще не бежать, потому что – бесполезно бегать от демонов.

Но... мелькнула мысль, что маловероятно, но – может быть, что кто-то ездил в Японию на соревнования или ещё как. И – вот. И возможно, я всё-таки в реальности.

Так что я аккуратно, чтобы не упасть, оделась. И пошла на выход. Сунув парик в карман толстовки.

В прихожей, помимо другой обуви, стояли мои ботинки. Высушенные и начищенные. С новыми шнурками.

Не могу сказать, что они спасли мне мозг. Но он точно в них вцепился, как в якорь за реальность. То есть – меня перестало колбасить от ужаса, что я – в глюке и вообще ничем не управляю. Когда я обулась и ощутила, что да, это – они, мои неубиваемые ботинки, пришло ощущение, что я – могу идти. Во всех смыслах.

И я, подрагивая, удерживаясь от срыва в торопливую панику, открыла дверь.

Вышла.

Закрыла.

И прислонилась к ней спиной, чтобы протрястись от паники и освоиться с мыслью, что – ушла.

Через минутку освоилась и накатила апатия. Спячка. От голода.

Поняла, что сейчас усну прямо тут и надо идти.

Промелькнуло, со стыдом, что я – дура. Где-то там осталась сумка с документами и последней мелочью на проезд, если не получится зайцем. И надо бы вернуться. Но – поняла, что если вернусь, уже не выйду.

Так что – отлипла от двери и пошла вниз. На выход.

На первом пролёте снизу дохнуло сырым холодом, от которого мерзко пробрало. На последнем, повернув на площадке, увидела за дверью на улицу снег.

Мозг опять шатнулся – не в глюке ли я. Потому что там была осень, а тут – снег.

Но мозг придавило чувствами. Лютой паникой тела, что – надо идти на мороз. И снова – боль в почках, и нехватка воздуха мозгу с хрипами и соплями везде. Скулением, что очень хочется жрать и под одеяло. Стыдом, что я ничего не заработала, и ничего этого не заслуживаю. И добавило свежим страхом, что непонятно, как отдавать долг. И какой он вообще. И что вообще со мной сделают, если вернусь.

В общем, ноги подкосились и я села на ступеньку. Тупить. И тихонько плакать от собственной невезучести и дури. И со стыда, что мне – жизнь спасли, а я не знаю, как отдать и потому – бегу. И...

В общем, не знаю, сколько. Наверное, пару минут тихонько редела. Или пяток. Потом вверху распахнулась дверь. Раздались шаги.

Я торопливо смахнула слёзы и замерла. Натянув маску,

что просто сижу и планирую, куда идти, а не собиралась красть одежду, за которую оставила в залог документы. И вообще просто вышла погулять свежим воздухом.

Я вот это – в маски, умела уже тогда. Дед научил. Когда учил держать лицо вопреки вынужденным действиям. У него в том были и образование, и очень богатая практика.

Мне на плечи опустилось одеяло. А в руки – подпопник, который кусок туристического коврика.

А потом мне сказали, очень спокойно, вообще без скрытых смыслов и левых эмоций:

«Если хочешь посидеть тут – можно с комфортом».

Я всё это время сидела, оцепенев. В первую очередь – со всей дури сдерживалась, чтобы не сорваться в одном из направлений.

То есть с одной стороны, очень хотелось повернуть голову, чтобы посмотреть на идеальное лицо демона. И на глаза цвета угля. Или – чая, опалённого, просушенного и сваренного на этих углях.

А с другой – очень хотелось вскочить и бежать без оглядки, чтобы не посмотреть. И не попасть под его власть.

Это – не считая того, что битва между «хочу в кровать» и «надо сцепить зубы и идти дальше» никуда не делась. И лютый стыд незнания своего долга – тоже не утих.

Он присел рядом.

Я чудовищным усилием – не покосилась.

Потом подумала, и решила, что с сидущкой в руках, ко-

торуую дали попользоваться сами, без просьбы и какой-либо задолженности, выгляжу глупо. Может быть, как человек, который тут не просто сидит, а у которого ноги отказали, и он встать не может. Но – держит лицо.

Так что я – привстала, подложила, закуталась в одеяло, села обратно. Почти не вздрогнув пару раз, когда давила в себе импульс рвануть к двери. И уже привычно изо всех сил не глядя влево.

А влево в поле зрения появились руки. Я – чуть покосилась. Руки устроили представление, переговоры с озвучкой:

Левая:

«Ну чё, как жизнь?»

Правая:

«Отлично!»

Левая:

«Свистишь.»

Правая:

«Ну, может быть, чуть-чуть. Но отвали нах.»

Левая:

«Слушай, я, конечно, отвалю. Но у меня тут пара килограмм помощи заваялось, и срок годности истекает, скоро испортится и выкидывать придётся. Может, хоть глянешь?»

Правая, очень точно показывая мой страх разводки на долги:

«Чё, бесплатно?!»

Левая:

«Не-не, ты чё! Какое там бесплатно. Просто – по себестоимости. Ну, буквально за потраченное время по минутам и по чекам. Со всеми документами».

Правая, очень подозрительно:

«Точно?»

Левая:

«Чё, нотариуса с судьей звать для оценки стоимости? Или, может, просто договоримся?»

Правая, неуверенно:

«Ну... не знаю... чё-то тут не то».

Левая:

«Ну тут такое... короче, эти два кило помощи – они в упаковке. То есть вскрыл попробовать – доедай. Ну, или мне пипец обидно будет, что выкидывать придётся».

Правая:

«Ах от оно чё...»

Левая, жёстко:

«Ну да. Вот именно так».

Руки – опали. Оставив меня с пониманием, что меня – понимают. То есть – со стыдом и страхом, что маска ни хрена не работает, потому что ношу криво и под ней всё видно. И только во вторую очередь – с облегчением, что – по себестоимости. И – с судьёй и нотариусом. И – договориться. Но облегчение – так, мелькнуло.

Я – потупила, собираясь с мыслями после вот этого удара, который разбил маску. Очень опустошительного удара. Ну,

того опустошения, когда у тебя отбирают кусок жизни. Там, внезапно увольняют, и ты теряешь маску работника. Или – маску жены. Или – ребёнка.

В общем, я кое-как собралась с мыслями, вытянула руки и промаячила, громко думая, вопрос: «сколько времени мне – тут?»

В ответ мой мозг ещё раз встряхнуло паникой, что я – в глюке.

Ибо ответили мне так же – жестами и чётко думая. Чётче, чем дед, который меня этому учил.

Сообщили то, что семь дней. И что мы бумаги подпишем про обмен.

Но я – зависла. В лютом ужасе, что я – в сказке. Что меня поймал демон, с которым бесполезно носить маски, и который может в идеальное зеркало. И может строить зеркальный лабиринт, в котором нельзя найти его истинную суть. И что как только я загляну ему в глаза – потеряю себя напрочь. Буду не собой, а приложением к нему. Как собака.

Извините за кривизну формулировок. Я сейчас впервые озадачилась тем, чтобы вот этот момент сформулировать в слова.

В общем, снова очень захотелось – бежать, чтобы спастись. Чтобы сохранить право самой решать, кто я и что делаю.

И тут он меня прибил.

Ну, на первый и на второй взгляд, не сделал ничего особенного. Ну, почти.

То есть он спросил:

«Ты веришь в амулеты?»

Я от неожиданности невнятно угукнула, а не маякнула.

А он достал из кармана сверток, и сказал:

«Я дарю это тебе только и чисто с пожеланием, чтобы твоя жизнь была в твоих руках, а невзгоды были только те, которые помогут пройти путь, а не заблудиться».

И – уронил свёрток мне на одеяло на коленях. И – буркнул:

«Твоё. Не надо – выкинь».

И я, ещё даже не разворачивая, ощутила, что да – моё. Не чьё-то, что взяла попользоваться. И даже не дедово. А – моё. Как ботинки, на которые заработала сама. И как мои волосы в кармане.

А он буркнул:

«Надумаешь всё же подписать внятные долговые и делиться – возвращайся»

Поднялся и ушёл.

Я всё же глянула на спину... точнее – снизу, когда он шёл по соседнему пролёту. И поймала на спине чёрной толстовки совершенно непонятное тогда слово – «АКРИ». И меня это сильно успокоило, потому что в моём глюке не могло быть непонятных мне слов. То есть я поняла, что, наверное, он

всё-таки не совсем сказочный демон. А просто какой-то мастер чего-то. Ну, там... моя кривая карма вывела меня на единственного в городе эксперта по Японии. Может быть, разведчика, который вот недавно вернулся и лежит на холоде. Хотя, вряд ли. С таким лицом в разведку не берут.

А потом я – развернула.

И спокойствие снесло.

То есть всё и совсем.

Ну, потому что я поняла, что меня видят насквозь и до дна.

Наверное, в тот момент я была единственной девочкой в городе, если не в стране, кто понимал, что – в свёрточке. Там лежала, как вы уже поняли, та самая синяя когатана. И маленькая бумажка с её именем. Иероглифами. Которая свалилась на пол и там и осталась.

И это сейчас почти все в курсе, зачем японские леди носят кинжальчик в дереве, а зачем – когатана в ножнах катаны. И что их гибрид – это символ «хочешь – срезай доспехи, хочешь – выпусти дух из сонной артерии». Со всеми оттенками смыслов, какие доспехи, и кому – что. Ну и работать ими как стилетом и кистевой сечкой сухожилий тоже умеет каждая вояка через одну. Особенно медики, которые зовут это «боевой скальпель».

Это сейчас все знают, кто когда кому может дарить это изделие. И что самый грубый вариант, без оттенков – глава рода на совершеннолетие, вскрыться при потере чести или

зарезать насильника и сделать лицо, что он не успел. Хотя есть много вариантов, и может быть опекун по священника включительно. И вторую в коллекцию иногда дарят на свадьбу. Чтобы сначала, перед собой, зарезать мужа, если он опозорился, но тупой слабак и не может сам.

И что запрятать клинок в дерево – это на отдых, дышать и слушать мир, и сокрыть его в засаду спокойного ожидания.

Но это – сейчас.

А тогда...

Я проверила. Наверное, это вообще было первое в России дарение когатаны ширасайя.

То есть мне, не расспрашивая, сказали, что признают меня японской леди. И вот это – «в засаде срезать доспехи или выпустить дух» я сразу поймала во всей полноте всех оттенков всех смыслов. Включая, что засадная маскировка – под заколку для волос, которые надо отрастить обратно... ну, вы поняли.

Ну и ещё. Последние полгода, как прикопала свой охотничий на опушке-обочине, я мечтала, чтобы у меня был нож. В том числе, чтобы я могла правильно вскрыться. А не как дура прыгать под грузовик, создавая проблемы водителю.

Я не вполне понимала, о каком мечтала. Пока не развернула свёрток.

Наверное, хватит объяснений, почему меня убило. Разметало. В полную пустоту.

И я сидела и тупила в небытии непонятно сколько. Пока

не поняла, что засыпаю. И тренькнуло паникой, что засну. И меня снова – отнесут в кроватку.

Так что я – встала, глянула на выходную дверь и поклялась, что через семь дней – выйду и не вернусь. Или зарежусь как клятвопреступница. То есть решила, очень, очень жёстко, что или – так, или – так. Как бы ни было дальше и что бы со мной не случилось от пребывания в одной квартире с демоном.

А потом – побрела обратно. Тиская в кармане свою «Отмычку Граничащих Кромek Ночи». Которую – про идиотку – даже не проверила, как выходит и заточена ли. Потому что верила, что она полностью соответствует моим ожиданиям. Хотя она их превосходила, но это я узнала потом.

В общем, поднялась, вошла. Чуть не взвыла от аромата куриного супа. Подрагивая от необходимости сдерживать голод, разулась, вернула одеяло, прошла на кухню. Уже не очень удивилась тому, что суп – в пиале. Чуть удивилась, что кухня – огромная, и что он – не за обеденным, а за рабочим столом в углу. Радостно попялилась на совершенно незнакомый тогда девайс – компьютер с текстовым редактором на экране.

То есть компьютер довинтил последний винт в сборку уверенности, что – не глюк. Реал. Можно добежать до деда, взять винтовку и свалить насовсем в лес. Где меня хрен кто поймает, кроме деда и лесника дяди Димы.

И да, обращаю: он сидел спиной к столу. То есть делал вид,

что не смотрит, как меня трясёт от голода. И пока он отвернулся, мне можно жрать, а не кушать.

Но я всё-таки сдержалась и поела ложкой. Потом налила и выпила, не сильно удивившись, пуэр из чайника на свечке, стоявшего на столе. Пуэр был не такой, как дедов самодельный из девяносто пятого чая.

Поставила чашку. Закрыла глаза типа прислушаться, не хочу ли добавки. И собраться с духом обсудить задолженность.

И – уснула.

Проснулась в кровати. Чувствуя себя полной дурой. В первую очередь – от того, что понимала, что меня перенесли так, что не проснулась. И при этом мерещилось, что пока спала, он сидел рядом и смотрел. Как пёс на хозяйку, который тихонечко ждёт-не дожждётся, пока она проснётся.

Эта строчка – она, если что, из вот этого момента. И начало идеи песенки «Подкроватия» – тоже. Про «с Подкроватией набитой очень злой и страшной свитой» – расскажу дальше.

Проснулась я от голода. Ну, тело поняло, что есть еда и надо жрать, пока дают. А ещё было противно, что пропотела.

Встала. Потупила на свежую футболку и трусы на спинке кровати. И на клейкер «слева ванной». Обычный ныне клей-

кер. А тогда – ещё один кусок нереальности. Я сначала затупила, что – слева ванной?

Переоделась, посмотрела на грязное с непонятками, куда его. Дошло про «слева ванной». Выпустила в клейкер шёпотом эмоции от собственной предсказуемости.

Справа от ванной в стене был шкаф с мылами, мочалками, шампунями, бритвой. Всё – нерусское. Кроме, наверное, полотенца.

Слева была горизонтальная дверка, как на почтовом ящике, а ниже – дверь с задвижкой. За дверью висел пластиковый мешок. Короче, обычный нишевой накопитель стирки.

Полминутки тупила у мешка, сражаясь с желанием понюхать. Вызванном мыслью, что мне вот сейчас надо кинуть... наше бельё обниматься в пакете. И что в пакете будет пахнуть – нами.

Ну, и тупила, изобретая и отбрасывая объяснения, зачем.

Хотя по сути – просто хотела, как любая лесная зверуха, узнать, как он пахнет. И в общем-то, всё. Без особого желания выяснить биохимическую совместимость и как часто он меняет носки с трусами.

Вот не скажу, сдержалась или нет.

Ладно... не сдержалась. Поняла, что зря, когда от запаха нахлобучило мозг так, что потянуло в ванную помыться. То есть – хер на приличия, – возлюбиться.

Стало стыдно. Сцепила зубы и пошла на кухню. Выперев на первое место голод.

На кухне было пусто. Только подсвет под шкафами горел намекающее в сторону холодильника.

И да, кстати. Про типовой деревня-хайтек вы сейчас в курсе. А мне тогда кухня из лиственных досок с бронзовой фурнитурой и коваными столешницами, куда вписаны плита, раковина и холодильник, показалась сказочной.

Но истинное, до перехвата дыхания от ужаса с восторгом, ощущение сказки грянуло, когда я открыла дверку холодильника.

Поясню.

Месяц до этого я жила не впроголодь. Впроголодь, когда я растягивала последние деньги, было два месяца как.

И я... сдерживалась, чтобы не копаться в помойках. Сдерживалась, чтобы не украсть хлеб в магазине. И даже не смотрела на магазины.

Когда тётка по выходным звала попить чаю – с трудом сдерживалась, чтобы не сожрать все печеньки. Хотя они были, в общем-то, всей едой. Пара печенок два раза в неделю. И ещё случайное что-нибудь.

Спала по 12 в сутки. От голода. А остальные 12 – уезжала уже наугад, а не в центр. И ходила с плакатиком «Я не говорю, но всё понимаю. Ищу подработку без оформления. Учусь очень быстро». И тыкалась с ним везде. Во все мага-

зины, парикмахерские, столовые.

Последние две недели, как гниль из почек в лёгкие пошла, давило понимание, что мне надо поесть и отлежаться. Иначе – всё. А в больницу – нельзя, потому что я – в розыске. Уже запретила себе официальное трудоустройство. И надо продолжать держаться.

Я уже даже начала соглашаться с мыслью, что честных приличных вариантов такому задрипаному чудищу, как я – не видать. Ну, пару раз, например, меня слали обратно в детдом. А один раз в шутку послали на трассу распугивать дальнобойщиков, желающих проститутку. Не в лицо. Просто друг другу сказали. Громко и при мне.

Хорошие люди тоже попадались. Но никто не понимал, почему я не хочу оформиться. А это был первый месяц Империи. И всем было очень страшно косячить.

Из одной столовки не совсем серьёзно послали в центр, куда ушла повар и вроде как набирают на стажировку с испытательным всех. И я – поехала. Больная и с соплями. И меня с порога послали лечиться. Это – как я оказалась на той остановке.

Собственно, последние две недели умереть-то было уже не страшно. Я с самого начала, как убила Сергея, догадывалась, что не выберусь. Мне просто было очень стыдно перед дедом, что он в меня вложил, а я – не смогла. Ни заговорить, ни всего остального, что он мне разрешил в крайнем случае. Ну «трижды подумай, нет ли вариантов. Если нет –

можешь выследить и ограбить тварь. Только – убей наверняка, и не попадайся». Это так, немножко красок в его интервью про моё воспитание.

Не смогла я потому, что не верила. Точней, верила в свою невезучесть. То есть стоит мне дёрнуться – что-нибудь пойдёт не так. Свидетели. Милиция. Ну и ... короче, не буду забегать.

От вида холодильника меня пришибло ощущением сказки.

Он был большой. И забитый. Полведра лапши. Полведра борща. Под стеклянными, бляйн, крышками. Чистыми, как в музее. Противень мяса с картошкой. Сковорода котлет. Варёная колбаса, два батона, один – початый. Копчёная – так же. Три, мать его, сыра. Жёлтый, белый и дырявый. Полка с помидорами, огурцами и болгарским перцем, который первый раз видела вообще. В отличие от бананов и апельсинов, которые видела на картинках. Три мёда, в котором я разбиралась. То есть точно узнала бортневый с пергой и прополисом, который надо из дупла выковыривать. Липец с первоцветами, который отбирают у пчёл ранним летом, вынуждая заново строить соты. И почти чёрный, наверное, донник с гречкой, который собирают сбросом ульев на поле.

Про яйца на дверке, баночки икры, соусов и квашеной капусты – молчу. Не молчу про четыре коробки апельсинового сока.

В морозилке, само собой, лежали небольшие штабеля говядины и красной рыбы.

Но – главное. Посредине всего этого стояла банка кефира. Литровая. Со стикером «выпей меня (смайлик). Микрофлора (многоточие)»

Я матюгнулась. Уже про себя. От непонимания, откуда он знает, что я знаю, что такое микрофлора. И что я знаю эту штуку из «Алисы в стране чудес». Очень адекватную ситуации и моему самоощущению. Вплоть до мелькания мысли, что у меня с этой банки что-то может внезапно вырасти.

Потом мозг вернуло к микрофлоре и я руганулась вслух, потому что вспомнила, что в организме зависит от состояния микрофлоры. А учитывая, что микрофлора – это зараза, один раз надолго, всё могло быть как в сказке. Только не быстро.

Ну, я, если помните интервью, собиралась на лесохозяйство в сельхозакадемию и много читала. Кое-что застревало в памяти.

Взяла и усосала кефир. Всю банку. Потому как это был не совсем кефир, а йогурт, и организм орал «хочу-хочу». Для полноты привычных – немного не хватало книжки. Ну или даже журнала или газетки.

Щёлкнул замок, открылась дверь.

Через полминутки вошел он. С пачкой распечаток.

Посмотрел на пустую банку. На меня.

Я с каменным лицом пялилась в стол. В первую очередь – чтобы не булькнуть в его взгляд. Ну и пытаюсь запрятать в глубины нор мозга, что занюхнула его стирку и всё остальное.

Он шагнул к рабочему столу, кинул распечатки в стелажик для бумаг. Взял верхнюю распечатку. Открыл ящик, достал бумагу-ручку. Подошёл, положил мне распечатку, листик и ручку.

На распечатке была стоимости препаратов, а так же услуг медсестры с почасовой оплатой и врача-реаниматолога с минутной оплатой. С печатью и подписью.

Я во всём этом не разбиралась. Так что сразу посмотрела на «итого», которое было 96 руб. 40 коп. И на печать «мед-центр МЧР 4».

Про отсутствие телевизора и прочее. Я тогда, через месяц от начала Империи, не знала, что такое МЧР.

Взяла ручку, бумажку. Подумала, что писать.

Он – продиктовал:

«Я, данные, взяла в долг у, оставь место впишу, по адресу такому-то, в долг сто рублей. Обязуюсь выплатить в течение пяти лет.

Сумма долга подлежит перерасчёту в связи с инфляцией по схеме перерасчёта Центробанка.

Косвенные затраты на возврат долга, как то поиск одолевшего, беру на себя.

Число, подпись».

Записала.

Он подошёл к столу, открыл нижний ящик. Реальность в очередной раз встряхнуло. Потому что в ящике была свалка денег. То есть сбоку валялись вскрытые и пара не вскрытых пачек сторублёвок и четвертаков, а посередине – куча разных купюр. Ну, такое бывает, когда сдачу из кармана вываливают не глядя. Он достал из пачки стольник. Положил на стол.

Я – зависла. От ощущения, что что-то не так. Ну, с одной стороны, всё было очень точно и красиво. И не страшно, в целом. Примерно месячная зарплата – на пять лет. А с другой стороны, что-то было странно.

Я поймала мысль. Ткнула пальцем в холодильник и в сторону кровати, нарисовала знак вопроса.

Он отмаячил в ответ, что когда-нибудь – он ко мне на 7 дней. С моим холодильником. Ну, или можно ещё бумажку с расчётами из гостиницы. На «гостиница» – запнулся. И показывал сложно, через «дом, куда ходят спать за деньги».

Я подумала-подумала, маякнула «я тут 7 дней деньги вопрос».

И меня накрыло стыдом, что я – ошиблась. Я – отказываю в ответном приглашении. Заявляя, что человек мне нетерпим. То есть я – слабачка, которая не может его вынести семь дней в гостях. Ну или мне стыдно за свой дом. Который бу-

дет через пять лет.

Так что я торопливо выставила «похерить», и промаячила «ты ко мне на семь дней».

Он хмыкнул, подвинул по столу столик. Я – коснулась. Подвинула обратно. Он – взял ручку, Написал на листке с расчётами «оплачено», подпись.

Протянул мне расписку и листок с расчётами. Вынул из кармана три рубля шестьдесят копеек, отдал мне и понёс столик обратно в ящик.

А меня подёргивало, что что-то не так. С одной стороны, всё – ровно. А с другой, что-то не так.

Мне сейчас с себя тогдашней не очень смешно. Меньше, чем вам. Если вы представили ту картину.

Он – вернулся с ещё парой листиков. С парой копий договора.

И мне от чтения снова встряхнуло реальность. Это ныне норма. А тогда я читала, и не понимала, как так можно – с подпиской.

Уже догадались?

Ну да, это был он. Договор о взаимном неразглашении третьим лицам личной информации полученной фактом совместного проживания.

Со всеми завитушками типа «предотвращение публикации» и «к третьим лицам не относятся, но их следует преду-

предить о данном договоре...»

Особенно я затупила на разделе «наказания». Где стояло просто «...считается воровством личных данных и карается смертью».

За это интервьюю меня карать будут, если чё, вот на основании этого самого договора.

Тагдам у меня мелькнула мысль, что когатаны было мало. Вот мне ещё инструмент самоубийства.

Короче, я подписала. Он подписал. Сложил свой экземпляр в ящик. Достал из ящика пустую пластиковую папочку с гермозамком. Положил мне.

И пошёл к плите варить омлет по-королевски. То есть достал из духовки кастрюлю с замоченными хлопьями и поставил на плиту.

А потом сходил за моей сумкой с документами, про которую я как раз задумалась, где она.

В очередной раз прихлопнуло ужасом, что я – как на ладони. И – стыдом. В первую очередь – за занюх.

А он, как не замечая, повернулся от плиты и задумчиво спросил:

«Ты читать любишь?»

Вот тут мне в первый раз захотелось яростно наорать, что хватит надо мной издеваться, будто сам не знаешь, демон сраный.

Наружу вырывалось только чуть-чуть пыхтения и дрожи мышц. Ну и кивнула сильно резче, чем надо было.

Он сходил к столу, вернулся со стопкой распечаток, протянул снизу стопки два экземпляра договора. На сделную работу пружинидером оплатой сделно с актами сданных работ.

Оставил читать. Пошёл мешать кашу.

За спиной хлопнул холодильник, булькнуло молоко, потом постучал нож об доску. А я сидела и тупила, пытаюсь понять – как это? Дают почитать книжку и платят за отзыв, особенно – за отметку в рукописи фраз и абзацев, которые не понравились, с описанием, почему. И приветствуется отлов ошибок, но их не должно быть после корректора.

Яйца хрустнули, взвыл миксер.

Я покосилась посмотреть, что это. Залипла, глядя как он пританцовывает у плиты. Мелькнула... очень быстрая составная мысль, что он – в таком же, как я. Только в чёрном, а не белом, которое – траурное, о чём он наверняка знает. И что вместе у плиты танцуя мы бы смотрелись...

Резко отвернулась, запихивая вглубь эмоции и мысли.

Подумала, и без жестов кинула ему в спину «извини». За то, что не сдержалась такое подумать. Он – сбросил с миксера лопатки в раковину. Убрал миксер в шкаф. И присел за стол. С лёгким удивлением, что – не подписано.

Я покосилась на толстую стопку распечаток, которая очень манила. И ткнула пальцем в «оплата по акту».

Он вздохнул, маякнул, что в стопке – десять книг. И надо определить, что печатать, а что – нет. И нужно двадцать пруфридеров собрать мнения. Желательно, обоснованные. То есть дочитать – целиком.

Потом шагнул к компьютеру, разбудил его. Нашёл файл.

Когда загрохотал принтер – я вздрогнула. Матричный, игольчатый принтер. Очень быстрый и шумный.

С замиранием смотрела, как из принтера выползает печатный лист.

Ну, я на тот момент читала про компьютеры. И читала про книгопечатанье. А про принтеры – нет. Так что это была грёбаная магия, что – с экрана на бумажку.

Он положил мне пару магических бумажек с инструкцией по расчёту работ пруфридеров. Изучила. Охренела. Напугалась, что это – разводка. Очень захотелось... в очередной раз, сбежать от демона, который – заманивает. Непонятно куда.

Ну, потому что на глазок плюс-накось лапоть получалось, что за эти десять книг я как раз тот столыжник и получу. Если считать с коэффициентом сложности. На который он уже намекнул этим «печатать или нет».

И очень захотелось пообщаться с остальными девятнадцатью коллегами. Просто – очень. Убедиться, что они – есть.

Но потупила в понимании, что у меня неделя постельного режима. Пообещала себе, что пообщаюсь после и, если что, страшно отомщу. Подписала. Вопросительно положила руку

на верхнюю распечатку.

Он сходил к рабочему столу. Принёс, дал мне ручку. Ныне – широко известный титановый кулон. А тогда я пялилась на это... сине-радужное, невесомое, с выкрутом стержня, на шейной цепочке с удобным карабином. С легкой инкрустацией золотом и мелкими изумрудиками для ухватистости.

Подумала. Решила, что – рабочее оборудование, и – можно. Одеда цепочку. Взялась за книжку...

Мысль, что кефир провалился и надо что-то ещё, пришла одновременно с пиалой омлета. Ну, или каши с сыром, маслами, и полусырыми яйцами. Короче, рецепт вы все знаете.

А я с первой ложки – поняла, что готовить он умеет. То есть это – моя каша. Сваренная мне. То есть уже как бы часть меня, и организм уже хочет её переварить и восполнить нехватку себя.

Само собой, очень быстро захотелось добавки. Только не через два часа, как обычно. А через час. Это про то, как у меня разогнался обмен. С микрофлоры.

А я – читала и писала.

И мне было, блин, хорошо. Даже не настораживало, что я – почти отдыхаю. А мне за это – платят.

Про книжку ничего не скажу. Чтобы точно не узнали, какая. Пять в печать не пошли. Хотя я забраковала только три, а три поставила под вопрос. Но это так, в общем.

Он, как и я, сидел и работал. Читал-клацал. Выходил-приходил. Я – тоже выходила-приходила, машинально, не выва-

ливаясь из книжки.

И я даже робко позволила себе чувство, что «мы – работаем». Не вместе, но в одной комнате. И чай пьём из одного чайника.

В общем, омлет – доелся. Вся кастрюлька. Шесть пиалок. Как бы, шесть суточных порций. И меня тянуло в сон, и мозг туманило. Но – книжка. И чувство, что мы – работаем.

Выбило, когда захотелось покакать. Ну... короче, детали – потом.

Но мне захотелось покакать и я начала мечтать, чтобы он вышел из квартиры. На всякий случай, если я буду орать. Нелогично, но детали – ниже.

Короче, работать было уже неудобно. Я меня уже подбешивало, что он – делает вид, что не слышит громкую мысль. Просьбу свалить.

Только минут через пять он встал, вышел. Вернулся с полотенцем и свежим бельём.

Маякнул, что не надо дольше 10 минут в ванной. Потом неуверенно невнятно маякнул, что идёт купить еды и разного и – мне вопрос.

Изобразила, что думаю пару секунд. Маякнула, что не надо.

Он – вышел.

Я – покакала. С ором, как и предполагала. Потом метнулась в ванну. Очень быстро ополоснулась. И сбежала в кровать. Плющась от стыда, что он – наверняка в курсе. Но де-

лает вид, что не знает, позволяя сохранить лицо.

Пришла мысль, что наверное, надо уже принять каких-нибудь лекарств. Закрыла её в клетку, что если надо – он даст.

И перед самым засыпом внезапно поняла, что за всё это время так ни разу не взглянула на его лицо. Не говоря уже о глазах.

Проспала – много. Два раза не совсем просыпаясь, сходила пописать.

Как проснулась – поняла, что чувствую себя нормально. Ну, почки – всё ещё ныли. Лёгкие всё ещё чесались. Но ушло чувство забитости всего организма тухлыми соплями. И главное – мозг встал на ноги с колен. И побежал потихоньку, сравнительно с ползанием на коленках.

И я призадумалась, что мне – дальше. В первую очередь – что будет, если я, после того, как уйду от него, попробую зайти в издательство сама, раз уж у меня уже есть договор на работу прюффридером. Предполагалось, что – ничего. Ибо вряд ли у них много работы. И эту мне он наверняка подсунул по благу.

Но, наверное, последние пару книжек надо оставить на потом. Чтобы занести их в издательство напрямую и хотя бы обозначиться, что я есть. Ну – а вдруг? Хотя, конечно, вряд ли, ибо кому я там, по большому счёту.

Хоть, блин, вообще не ходи. Чтобы за спиной не шептались, а что я ему сделала, что он мне эту работу подкинул.

Мелькнула, спросонья, картинка девятнадцати моделей из журналов. И двадцатой – меня в задрипаном из деревни. А он идёт вдоль строя, останавливается, тыкает в меня. И остальные девятнадцать пялятся в непонятках. То есть, на меня-то – с презрением. А вот на него – в непонятках.

Потом мелькнуло, как они идут переодеваться в задрипаное. Но тут я себя одёрнула. Вскочила и начала зарядку.

Вспоминая, как это оно – вообще, шевелиться. И выясняя, что стало с мышцами за этот месяц.

Мышцам было хреново. Осилила тридцать отжиманий и рухнула. Хотя по весне падала на второй сотне.

Да, это – само собой, на кулаках, а не на ладошках. Дедова мудрость гласила, что после отжимания, пальцы должны оставаться чистыми. А на пальцах следует отжиматься на чистой поверхности типа камня. И то не на всех, чтобы было, чем серу из ушей в нос замазать.

Весной я стояла полминутки на двух... то есть на четырёх. И уже начинала осознать, что, возможно смогу, как дед – на одном.

Короче, я поняла, что вообще не в форме.

После зарядки постояла в коридоре, послушала клацанье на кухне. Сходила в туалет, со всей дури сцепив зубы. В душ.

Переделась в свежее. Чутьочку уже удивившись, а откуда оно и как. Потому что тратилось оно вы поняли как, а стиральной машинки в квартире не было.

Ну, я перед занюхом тогда быстро пробежалась, сунув в

нос в другую комнату и чулан с водогревом и прочим. В шкаф, во всю стену, в его комнате не полезла, само собой. И по ящикам не рылась. Но – стиралку не нашла.

Короче, пошла я завтракать.

Причём, внезапно – обломалась. Мерешилось, что – омлет. А оказалось – горка нарезки сыра с колбасой и хлеб. Не понимала, как это так. Пока не попробовала хлеб. Свежий. Белый. С душой. Хотя – не им печёный.

Мелькнуло любопытство узнать, а как печёт он. Выкинула.

Налепила себе бутербродов, налила чаю. Подумала, сделала кружку и ему.

Поставила – почуяла его мысленный кивок. Подбесило и напугало чутка, что – такой же, зеркальный, как я кидала вчера, когда он мне кружки ставил. Ну, напоминалочка прилетела, что я – в демоническом зеркальном лабиринте.

Задавила ярость и страх. Села есть. И дальше – книжку, чтобы не думалось. Книжку дальше – потому что, дожёвывая последний бутер, поняла, что в издательство – не сунусь. А телефона в квартире – нет, и как сдавать последние книжки, если не заносить в эту квартиру – непонятно.

От мысли про звонки внезапно, наконец, дошло... что я пятый, наверное, день, как пропала. И тётка, наверное, уже в истерике. Потому что я всегда приходила ночевать домой.

Я задавила импульс бежать что-то делать. И заставила себя думать – что.

Потом встала, подошла к его столу. Дождалась внимания. То есть он – повернулся ко мне. И мне стало неудобно. Потому что лицо было почти там, куда я обычно опускала взгляд.

Я неуютно отвела взгляд вбок. И задрала совсем неуютно вверх. Сдерживаясь, чтобы не отвернуться вообще.

И промаячила, что мне надо позвонить и пошли выйдем. Он выдал речь. Уверенным скучающим профессиональным голосом.

«Анна Сергеевна, здравствуйте. Подскажите, Ирина Александровна у вас проживает в настоящее время?... Нет ничего особенного не случилось, не волнуйтесь. Она в реанимации с воспалением лёгких... Нет, посещения пока закрыты и передачи тоже бесполезны, потому что я строго ограничил диету и микробиологический режим... Простите, Анна Сергеевна, как думаете, откуда я узнал Ваш телефон? Из базы КГБ? Так что подождите, пожалуйста, ещё шесть дней. Возможно, мы её выпишем долечиваться на дом. До свидания».

Я – зависла. Представляя, каково тётке. Двоюродной сестре матери. Которая, в целом, меня заселила черезнихочу. И очень тяжело посмотрела, молча, прочитав по весне мой план за лето найти работу и съехать на съёмную. Последний месяц, как брательники вернулись из лагерей, я спала на матрасе в углу тёткиной комнаты. С головой под одеялом и лицом в стенку. И меня коробило от её взглядов, что лето – вот, всё. А я – всё ещё тут.

Это – ещё пояснение, почему я пошла было под грузовик.

Короче, поняв, что я – вишу, а он – ждёт, тратя на меня время, я просто кивнула и вернулась к книжке. Отложив на потом вопрос, что мне сделать тётке. У которой муж – сидит десятку за убийство в драке, а на шее – два пацана.

Забегая... отбегая в сторону, тётке там было не до меня, потому что через день после звонка про меня, муж – вернулся. Не знаю, но вы догадались, как. И нам дальше всегда было как-то не друг до друга. Один звонок обмениваться, что всё хорошо и бодро. И – пауза в пять лет. Только письма с фотками ещё двух сестрёнок от неё и всеобщее эфирное и новостное от меня. Кроме письма с благодарностью и объяснением перед премьерой «Без места играть», которое – про голод и матрасик в углу. Потому что предстояло честно рассказать, откуда у меня столько тоски и голода по своему месту в жизни.

Ладно. В тогду на ту кухню.

К обеду... борщом и мясом с картохой, к которому я на-рубила салат и попробовала что такое перец...

Так.

Когда мне захотелось поесть, я – достала, поставила греться. И начала рубить салат. Почти порезалась, когда накрыло непониманием, сколько порций салата делать.

Дед – объяснял, что есть ритуал совместной еды. Но я вро-

де как ела без расписания.

И не понятно было... точнее, было понятно, что не надо его отвлекать вопросом, сделать ли ему салат. Но было не понятно, будет ли он его. И если будет – не из желания ли не выказывать презрение моей хоть какой готовке. Ну и протренилось ужасом, что он – вообще не тронет салат. Вот на этом ужасе я и почти порезалась. Только рефлекторно успев убраться от ножа, спасибо деду за рефлекс.

Короче, через полминуты раздумий, я всё же – решилась. Нарубила побольше.

Перед тем, как наливать борщ, посверлила его спину минутку. Он – не отвлекся от работы.

Так что налила себе. И начала есть с книжкой. А он через пару минут – ударил.

Ну, то есть встал, накидал себе салату, кинул кусок мяса и ушёл к экрану. Оставив салата мне. То есть отзеркалив мой план оставить ему доедать.

И всё это – не глядя на меня.

То есть – не вылезая, мысленно, из работы. Так же, как я.

Меня в очередной раз передёрнуло паникой от осознания зеркального лабиринта. Взяла себя в руки. Продолжила есть.

Две тарелки борща. И, всё-таки, салат с куском мяса и картохи. Хотя уже не очень лезло.

За чаем добила книгу. Встала, положила ему в лоток для бумаг.

Взяла следующую. Они так и лежали на углу длинного

стола. На том углу, который ближе к компьютеру. А я сидела ближе к холодильнику. Проведя, мысленно, где-то посреди-не стола границу между кабинетом и кухней.

Через полчаса взревел принтер. А потом он положил передо мной подписанный акт выполненных работ и двенадцать рублей.

Подвзбесило. Ну, что он не пытается скрывать, что вот это всё – мне по благу.

Очень хотелось швырнуть дюжину рублей обратно. Ну, или хотя бы положить ему на стол с запиской «в счёт долга».

Сдержалась.

Почти не подрагивая и не притормаживая от презрения к себе, сходила в комнату и закинула в сумку подачку из милостыни убогой уродине и типа документ, её оправдывающий.

Размялась. Потянулась. Поработала ногами в воздух, громко думая, что – ему в челюсть.

Полегчало. Если можно назвать «полегчало», когда – сме-на ярости на стыд, что не сдержалась.

Вернулась к книжке. Без души. Злобно нагло воняя.

Книжка – бесила.

Ну, знаете, бывает, мелкие в первом классе наслушаются мата. И начинают обезьянничать за взрослыми. Вообще без понимания, что значат эти слова. Положено обижаться на «хрюкозябра» – значит, будем его орать, чтобы обижать.

Ну вот и тут... автор где-то услышал, как кто-то разок поржал на игру слов. И взялся пытаться поиграть чуть не в

каждом предложении. Очень криво. Пытаться. Не понимая, как вообще это делается.

Так что я – сорвалась. Начала на обороте листов писать, как надо в каждом случае, где оно уместно. Ну, а когда листов стало не хватать – пошла к принтеру за бумагой.

У принтера – встала... ну, под его взглядом. Подумала, что наверное, не надо брать из принтера специальную с дырочками и прострочкой для разрывов. Ткнула пальцем в бумагу, показала «дай».

И, в ярости, почти было кинула взгляд ему в глаза.

Он – встал. Подошёл к моему месту. Взял исписанный лист. Прочитал... точнее, проглядел за десяток секунд, исходник. Начал читать мои заметки.

А я – стояла в ожидании. И меня – бесило. От осознания, что я – делаю правильно. И от предчувствия, что он сейчас мой порыв осадит. Ну, там, бумаги не даст и велит укладываться на обратную сторону.

Он – прочитал, сверяясь с исходником.

Подумал. Десяток очень бесивших секунд.

Ну, было понятно, что изображает обдумывание, хотя – решил сразу.

А потом спросил, вслух:

«Ты, случаем, на печатной машинке – умеешь?»

Я – не сдержалась. Взметнула взгляд. И почти было собралась было уже заорать, что нехрен спрашивать, раз знаешь.

Наткнулась на взгляд. Спокойный. Вообще без признаков

игры. Искренний. Мастерский. Демонический.

И на лицо под капюшоном. Идеальное. Даже – без морщинки.

Поняла, что почти проиграла в зеркальный лабиринт. И почти наглухо потеряла лицо.

Уронила со стыда.

Потупила пару секунд.

Резко, через силу, кивнула.

Он повернулся к компу. Поклацал-потыкал. Потом махнул рукой.

Я – подошла-села. На его место. В его кресло.

Он, игнорируя, будто это вообще нормально всё, ткнул в экран и сказал:

«Просто правь. И не забывай делать вот так».

Зажал шифт и клацнул F12.

Потом показал, как стирать текст. И как гонять курсор стрелочками. И как – отменять. Откатывать.

А потом – ушёл. Оставив меня тупить от бешенства на то, как он притворяется, что не понимает, каково мне от того, что он тащит меня в демоны. Зеркалить демона. Быть им. Пытаться криво, уродливо вести себя так, как ведёт себя существо с идеальным лицом. И не только лицом.

Руки – дрожали. С трудом сдерживала желание расхерачить клавиатуру.

Потом всё-таки как-то успокоилась. Отодвинула его кресло. Поставила свой стул. Села на свой стул, посмотрела на

экран. Там было начало книжки.

И я с тяжким трудом начала вспоминать, как печатать.

Печатная машинка, одна на деревню, была в школе. Дед настоял, чтобы я на ней умела. Договорился, что меня разок пустят попробовать. Потом велел сделать доску с буквами, как клавиши. И тренировал диктанты. Месяц по часу – русский. Месяц по часу – английский. Со второй недели – вслепую.

Великое счастье, что на клавиатуре буквы были там же, где на доске. Ну, почти. Правда, у меня ушёл очень нервный час на то, чтобы поймать силу нажатия.

Но потом я ощутила в полной мере, насколько экономит бумагу и время текстовый редактор. Ну и насколько экран жжёт глаза – тоже. Даже через защитку.

Кто не застал, защитка – это навесное стекло на древний монитор, якобы ловившее часть излучения. Хотя на самом деле, в основном, гасившее контрастность. Штука редкая. Висела на немногочисленных профмониторах те два года, пока мониторы не поменяли на менее глазорезные. Помниться, последний раз видела защитку лет десять назад в деревеньке у администратора центра связи.

Пуф.

*Всё ж таки нервно об этом всем рассказывать в массы.
Ладно.*

Через три часа я поймала себя на том, что тащусь от того, что делаю. Но больше – не могу. Глаза больше не могут смотреть на экран. Очень неудобно плавать в вонючем поту. И – аж подташнивает, как хочется прилечь.

Закрыла глаза. Погрустила, что – слабачка. Грустно вздохнула, ушла через душ в кровать.

Засыпалось плохо. Перед глазами сверкал экран текста.

А в эмоциях бурлило и шипело. Бешенство на эту тварь, которая издевается. Бешенство и презрение к себе, что не выдерживаю его игру и срываюсь, как дура, которой не место в жизни.

Хлопнула дверь.

Злобно решила не вставать, сделав вид, что сплю.

Через пять минут в комнату всунулась его рука, щёлкнула пальцем, махнула призывно. В очередной раз взбесило, что – не пытается...

Встала, оделась, пошла на кухню.

На кухне на столе стоял чайник с травами и кружка. Он – клацал за компом.

Кинула в него мысль «табуретом тебе об голову». Села, налила. Выпила. Горькую смесь трав.

Налила вторую кружку. Подумала, решилась.

Подошла к нему, пялясь в свою кружку.

Дождалась внимания. Спросила, а что вообще с моими таблетками. Отмаякнула, что таблетки и уколы, вроде, надо через каждые четыре или шесть.

Он помедлил. Потом отмякнул, что у меня печень уже не выдержала бы уколы и встала бы. Потому он дал одну таблетку на семь дней, которая дала мне удар, и дал горсть еды и кружек.

В кружке было уже отпито половина. Потому – не расплескалось. Когда рука начала подёргиваться в бешеном желании заколотить ему кружку в лицо кусочками.

Я – сдержалась... почти без рывков, почти плавно, поставила кружку. Сходила в комнату. Принесла бумажку с расчётами стоимости услуг. Спросила, где тут та одна таблетка.

Ну, он ткнул в «БИР 7 скобка кл скобка 40 руб». И произнёс:

«Бустер иммунитета и регенерации, семь суток».

А я – зависла, подрагивая. Понимая, что такое «кл».

То есть, что я сама, как дура, вытащила из него заявление, что он намыл мне попу, а потом засунул туда этот самый «БИР 7». Само собой, рассмотрев. И ему разве что вслух осталось мне это сказать, дабы окончательно.

Ну, я молча, из последних сил сдерживаясь, чтобы не упасть на пол и не разреветься от стыда, вернулась за стол. И изобразила, что пью чай. Почти не дрожа.

Он помедлил. Встал, вышел. Вернулся, уронив на угол стола, который был в кабинете, пачку прокладок.

Я полминуты паялилась, и тупила, что это вообще.

Как дошло – жажнуло осознанием. Ещё полминуты дрожала, еле сдерживая желание пойти в ванную, чтобы не пач-

кать кухню, и чиркнуть клинком по горлу.

Ну, объясню мальчикам. Это вообще не очень приятно, когда за собой не замечаешь, что бесишься в ПМС. Когда кто-то хоть как мягко обращает внимание, что надо пытаться держать себя в руках... ладно, на хер стыд. Когда кто-то отмечает, почти вслух, что у тебя вместо лица – источник ПМС. Что у тебя ежемесячный ОГМ. Описьдос Головного Мозга.

Ну а там... я вообще с этой голодовкой забыла, что у меня такое бывает. Ну, организм последние два месяца – встал в этом плане. И я вообще упустила из виду, что от нормальной еды – заработает. Даже очень ясный намёк «Съешь меня, микрофлора» пролетел мимо. И вопрос «что тебе купить?» – тоже мимо. Ну и когда бешенством начало накатывать – тоже не поняла. Начала кидаться, мысленно, в него кружками и табуретами. Ну и он – вот. Дал сдачи очень жёстко. Одним ударом. Положив на рабочий край стола пачку прокладок, которую я протупила заказать. Ну, прямо в лоб заявив, что я из-за ОГМ не выполняю толком работу, на которую подписалась и делаю нервы работодателю.

Наверное, чай был успокоительный.

Дохлебала. Взяла под контроль стыд. Ну, достаточно, чтобы уйти в спальню, а не в ванную.

Ушла – в спальню. Закрыла дверь, хоть так изобразив изо-

ляцию. И, не имея сил сдерживаться, забилась под одеяло и разрыдалась в подушку. Тиская её зубами и затыкая краями уши, чтобы себя не слышать.

Выплакалась до грустной пустоты. Перевернула подушку сухим вверх и потеряла сознание.

Ночью, не просыпаясь, ходила писать. Второй раз было больно, но не до ора. Попялилась в унитаз убедиться, что – заработало. Но мозг был – как в подушке.

Утро сильно не задалось.

Во-первых, мозг так и остался в подушке. То есть всё было тупое. Отстранённое. Не трогающее. Чувствовала себя тупой зверушкой, а не человеком. Но ничего не могла с этим сделать.

Во-вторых... хер на стыд, проснулась от того, что набухли титьки. Сладко ноют, а я держусь ладошками, чтобы не порвались. И – тупо, как зверушка, уже почти... не кончаю. А – разложилась отдаться. Как течная сучка, которую так проняло, что даже скулить и дёргаться не может. И противно быть такой. Но ничего поделать не могу, ибо во сне началось и пропитало весь мозг. И поднять и выдернуть его из этого как-то смогла. Но стекает – медленно.

В-третьих, ощутив и вскочив, с пронзительным стыдом и ужасом обнаружила, что матрас – в крови. Не говоря уже о простыни и трусах. Ибо протупила с прокладками.

Но. Тело-то – забыло как дышать от стыда. А вот мозг – ни из подушки вылезти, ни ускорить отжим пропитавшего. От чего ещё хреновей стало, что мозг – не мой как бы.

Ну и само собой, на стуле у кровати лежало свежее бельё, простынь, чёрный мусорный пакет. И прайс химчистки с обведённым пунктом про матрасы. На пять рублей.

Раздышалась матом шёпотом.

Затупила, что – сначала, что потом. Тупила, пока не дошло, что задача не решается без выхода в коридор в этих трусах.

Вышла. Мимолётно охренела от вида нового матраса в пакете, стоявшего в коридоре.

Поняла, наконец, практическим путём, почему раковина в туалете – низкая, и что за странный кран из лейки душа на двух шарнирах.

И да. Это ныне культурный код не видит ничего особенно-го, чтобы в одной микрованне мыть попу и руки. А мне там придавило чувством... Ну, не знаю как назвать пакет эмоций от руки-жопа. Омерзение в клею восторга?

Тупо позлилась, пока запихала грязный матрас в пакет. Ну, всё остальное сделала тупя, на автомате. А матрас потребовал мозга. А его не было. И промучилась полчаса. Даже всплакнула, что я – тупая, неуклюжая и у меня даже такое простое – не получается. Три раза перевязывала, понимая, что недостаточно плотно скрутила. Бесилась от непонимания, злит ли меня, что он – не помогает, или я ему благодар-

на, что дал всё – самой. Бесилась на себя, что во мне – килограмм сорок с чем-то на сто шестьдесят полтора сантиметра. И тупо не хватает массы. Бесилась от незнания, обязательно ли запихивать в пакет или можно просто обвязать.

В общем, когда я выволокла в коридор матрас в пакете, и рухнула на кровать, мне было тупо и пусто. Уже ничего не хотелось.

Через минуток пятнадцать в коридоре шелестнул пакет, в двери показалась рука с большим пальцем. Подбесило от трепыхнувшего чувства радости. А рука поманила «выходи».

Полежала минутку. Через нимагу пошла в душ и завтракать. С непрерывным тупым нытьём болящего тела.

Омлет, сковорода. Чай с травками. Без книжки.

Не смогла себя заставить. Оправдалась, что за компьютером – он, а я не закончила редактуру.

После завтрака он ткнул пальцем в мусорное под раковиной. Потом – выманил в прихожую, и ткнул в чёрный «пилот» на вешалке и достал из шкафа шапку, зимний бело-сероцифровой перевёртыш с дырочками.

И ушёл, оставив меня тупить, тиская спецназовскую шапочку и понимая, что он – точно где-то там. Капитан разведки как минимум. И дед с ним, наверное, справится. А я – точно нет. Даже табуреткой со спины внезапно, наверно, не получится.

Минутку тихо тупо поплакала от своей никчёмности. Вы-

терлась, не думая, шапкой. Натянула на голову и пошла собирать по квартире мусор. Аж два места. Свой пакетик и ведро из-под раковины. В туалете, внезапно, мусорки не было. Но это внезапно было уже день назад.

Оделась, обулась. Вышла.

Встала в паре шагов у подъезда. Поставила ведро. Вдохнула уличный воздух.

И – поняла. Что технически, могу вот сейчас просто уйти. Или вернуть ведро, забрать сумку и уйти. А деньги за куртку с шапкой вернуть в течение пяти лет.

А в этой одежде, наверное, можно придти в издательство и не будут тыкать пальцем.

Короче, меня накрыло охренительным, пронзительным чувством возможности выбора. Выбора не между плохо и плохо. А – пожить ещё тут, или уйти жить там. Ну, типа выбора не между съесть сейчас или оставить на потом. А между борщом и лапшой.

Я тихонько расплакалась. От счастья. И от грусти, что докатилась до того, что счастлива от – такого.

И от этого плача – свалилась с мозга подушка. Просто стало тихонько, ровненько хорошо и просто похер, что дальше.

И я тихонько, чтобы не развеять, пошла искать мусорку.

И наслаждалась жизнью минут десять. Потом начала подмерзать. И поняла, что надо – обратно. Пока он не пошёл меня искать и загонять греться под одеяло, а мне не стало стыдно, что запарываю лечение.

Вернулась. Матрас переместился на лестничную площадку. Еле мелькнуло – как это, сопрут ведь.

Разделась-разулась, вернула ведро. Подумала минутку. Подошла, встала вопросительно.

Он – допечатал предложение. Повернулся. Отмаячил, чтобы брала распечатки, ложилась просто читать, а потом написала не более трёх листиков общего отзыва. Напомнил, что сортировка и двадцать отзывов. Ткнул пальцем в термос у плиты и махнул забирать в комнату.

А я... ну, меня достаточно расслабило, чтобы я решилась вести себя как дома с дедом. То есть – поклонилась, еле слышно шепнув и громко сдумав «хай». И плавно пошла выполнять.

Взяла другую, не ту, что редактировала.

Глотала, не вчитываясь в стиль. Прихлёбывая травяной чай из термоса. С перерывами на поесть, как только хотелось.

Ну, мне просто было спокойно и ровно. Очень тихо и в мыслях и чувствах. И – вернулось ощущение пространства вокруг, которое из меня выдавил за неделю переезд в город, где стены, гул мыслей людей и всё такое.

Мимолётно отметила, что он – вышел.

Где-то через пару часов – дочитала. Закрыла глаза сформулировать ощущения от книги. Задремала. Открыла глаза. Взяла ручку, накидала пару листиков отзыва. Закрыла глаза подумать, всё ли написала или ещё что. Задремала.

Крутилось... ну, какое-то предновогоднее настроение. Когда – знаешь, что всё хорошо, и понятно, что будет вкусно и подарок. Но – не знаешь, что именно.

И ещё пошатывало туда-сюда ощущение пространства. От много, как дома. До стиснутости, как месяцы в городе.

И где-то в фоне ныло и щекотало тело.

Вынырнула из дрёмы от хлопка двери.

Открыла глаза от звука шагов и ощущения, что он – подходит. И оно – надвигается.

Он подошёл. С папочкой.

Глянул на отзыв. Взял, Прочитал.

Положил мне папочку на одеяло. Взял рукопись с отзывом. Вышел.

А у меня была дрёма. Так что я открыла папочку. Прочитала, в полусне, письмо. Ну, сейчас это обычный зазыв работать. А тогда – сразу не зашло. Мимо реальности пролетело, а растягивать её было лень.

Ну, там был просто зазыв. Не помню точно. Наверное, что-то вроде

«Уважаемая Ирина Александровна,

По итогам вашего тестового задания на редактуру, издательство предлагает вам два месяца испытательного срока на должности редактор-стажёр.

За это время ваша работа оплачивается сдельно по общему тарифу, с вычетом работы вашего редактора-наставника по тому же тарифу. Задача редактора-наставника – выявить,

дополнить и направить Ваши навыки.

В настоящее время, Издательство не имеет возможности выделить на дом компьютеризированную редакторскую станцию, и потому требуется работать только на территории Издательства. Столовая при издательстве – высшего уровня, сотрудникам питание – по себестоимости в кредит с вычетом из зарплаты.

Столовая и Издательство в целом работают круглосуточно. Включая душевую и зону отдыха.

При необходимости, предоставляется жильё по заниженной стоимости аренды, Однако хочу предупредить, что в среднем, объём выплат редактору-стажёру, после всех вычетов, достаточно только на аренду комнаты, а не квартиры.

По окончании испытательного срока вам будет предложен вариант работы, наиболее точно соответствующий Вашим навыкам и задачам Издательства.

Испытательный срок может быть прерван в случае несоблюдения Вами общих требований к сотрудникам, с которыми можно ознакомиться в Издательстве перед подписанием договора.

С уважением,
Директор Издательства»
Число, подпись, печать.

У меня мелькнуло чувство благодарности. И я встала. Вышла на кухню. И поклонилась ему глубоким поклоном на полчаса. Но обнаружила, что всё это мне приснилось, а ше-

велиться – лень.

Так что решила, что он и так всё понял. И просто уснула.

Проснулась в другом настроении. Выспавшись.

Вспомнила, как проснулась вчера. Вскочила в панике, что забыла. Успокоилась, что нет.

Кое-как сделала зарядку, выгоняя из тела утреннюю истому.

Настроение было... ну, пограничное какое-то. Неуверенное. Не знала, какой быть.

Ну, я понимала, что я – в зеркальном коридоре. И меня – ловят. И что мне принесли письмо с предложением о работе, отражающим точно всё, что я хочу. В том числе – посмотреть на остальных пруфридеров со стороны. И письмо – от директора, а не от демона.

Но я также понимала, что как он письмо выпросил, так может и попросить уволить.

Ещё я не понимала, зачем он всё это делает. Ну, есть ли в этом что-то, кроме забавы с пойманной зверушкой. И можно ли зверушке всё-таки шипеть, рычать и кусаться и насколько, чтобы не выкинули обратно голодать на морозе.

Вошла в кухню – встала, пялясь на камеру у стены. Вроде как фотоаппарат на штативе, но какой-то большой.

Он допечатал, повернулся.

Подумала секундочку. Всё-таки маякнула «то письмо» и – глубоко поклонилась. И – замерла, ожидая, как положено,

реакции.

Внутри – подёргиваясь от неуверенности, почти без страха. Ну, потому что этикету меня учил дед. И предупредил, что его знания – образца 1945, а сейчас может быть по-другому. Хотя вековые традиции, пережившие Мейдзи, поместиться не должны.

Он – вздохнул. И сказал, очень спокойно, ровно. Без эмоций.

«Слыш, зверуха лесная, дикая. Это в лесу людей – нету. И когда заблудишься, и сутками бегаешь по лесу от волков, питаешься сыроежками, встретить, того, кто выведет – счастье великое. Хотя ему и не сложно. А тут – город, людей полно. И спросить у прохожего, как пройти в библиотеку – мелочь. Ну и заблудившегося в этих джунглях и булькнувшего в болото вытащить и довести до околицы – тоже не сложно.

Так что – не за что».

Я – осталась стоять. Ну, шипела я так.

Он подождал минутку.

Потом ещё вздохнул и сказал, всё так же ровно:

«А ещё перед тем, как в чужом доме вести себя по своим культурным традициям, следует убедиться, хотя бы в том, что хозяева их понимают».

Меня – пронзило стыдом и страхом, что я – упорола косяк. Он – добил:

«Например, я слышал про японские поклоны и кое-как могу изобразить. Но ни хрена не представляю, как правиль-

но ответить на глубокий поклон благодарности. Так что извини, если что не так».

Встал, поклонился. Средним, как положено.

Выпрямилась, через силу, после него. В мозгу бурлило и бешенство, что он воспользовался ошибкой, и злоба на себя, что ошиблась, и стыд, что дура.

Вздыхнула. Решила, что с Японией, пожалуй, много не буду.

Встряхнулась. Вопросительно посмотрела на камеру.

Он подумал, сказал:

«Это – фотоаппарат с полноформатной киноплёнкой. Снимает кадр в секунду. Можно выставить два и пять.

Я хочу посмотреть, как ты выглядишь на живых фото. И на случайных фото в резкий момент.

Всё снятое – под соглашением о неразглашении личных данных. То есть плёнка – тебе, оттиски куда-нибудь ещё – только с твоего разрешения.

Если не хочешь совсем – не будет.

Завтракай, ответ скажешь после завтрака».

Я повисела, решаясь поднять взгляд и заглянуть ему в глаза. Он начал отворачиваться к работе.

Торопливо вскинула руку. Подняла взгляд. Встретила. Не сдержалась – вздрогнула. Переламывая себя, в глаза ему маякнула «зачем вообще тебе это видеть?».

Он наклонил голову, скептически задрал бровь и сказал с весёлым сарказмом:

«Знаешь, если я тебе прочитаю лекцию про пересыщение рынка фотомоделей типовыми лицами, или про прохождение сигнала через фото или видео, это, наверняка, пролетит мимо. И ты начнёшь думать, что это какая-то сложная разводка непойми на что. Так что, может быть, мы сможем ограничиться тем, что я хочу на память пару фоток тебя у себя на кухне?»

Я, чуть подрагивая от напряжения взглядов во взгляд... как в драке насмерть, натужно вопросительно подняла бровь, ткнула в камеру и показала два пальца.

Он хмыкнул, сказал:

«Ну, пару тысяч, чтобы было, из чего выбрать лучшие»

Я отвела, наконец, взгляд, типа подумать. Показала британский «алл райт» и пошла к плите. Где ждала кастрюлька овсянки с ягодами.

Ну а после завтрака – грянуло.

То есть сначала был стандартный фототест. Который «я говорю, кто ты, эмоция и сообщение, ты – пробуешь показать это в камеру. Если сразу – не твоё, показываешь руками букву «хер» и я даю следующую. Иногда я вношу уточнения в образ и прошу поменять жесты и эмоцию».

Ну и дальше – по плану. «Улыбочку. Просьбу. Ладно. Теперь попробуй, «порву, сука»... не, как гопник... ладно, не будем. Попробуй «убью, тварь». Отлично. Теперь – «Ты – дурак?»... Теперь, с улыбкой, где ты пытаешься обратить в

шутку что-то неприятное... уточню – пугающее. Ладно. Теперь, «ты – дурак?» с омерзительным презрением. Ладно, теперь, ты – княгиня, а там... ну, пьяный барон, и вокруг – бал».

С княгиней меня – заклинило. Не могла легко притвориться. Ну, потому что где-то в глубине души было воспитание деда.

А демон – упёрся. А я – поняла, что эта демоническая скотина выколупывает меня из-за моих зеркал. Стиснула зубы. И выдала княгиню.

Он – обрадовался и где-то двадцать эмоций-сообщений гонял этот образ. И я уже было подумала, что сейчас он попросит совсем в наглую показать что-нибудь противоположное от княгини. И уже собралась с яростью, чтобы вспомнить прошлый месяц.

Но он сказал:

«Ок, ладно. Для оценки – хватит. Теперь хочу несколько фоток в очень внезапной ситуации. То есть, заранее прости, но я хочу вызвать неуправляемый всплеск эмоций и сравнить с управляемыми.

Можно?»

Я подумала и посмотрела ему в глаза. И даже – заглянула в чай с углями. Пытаясь увидеть, что скрывается за просьбой разрешения.

Само собой, ничего не разглядела.

Так что – отвела взгляд в камеру и кивнула.

Он, вздохнул и сказал:

«Ир, сейчас мы – с тобой. Как бы забудь про камеру. Ну, нет её. И – ещё раз напомним, всё снятое – только твоё, кроме пары фоток лично мне».

Ну, я перевела взгляд на него. На подбородок. И кивнула. Мол – валяй.

И он – навалил. Так, что меня мгновенно проморозило ужасом. Накопленным ужасом. И ужасом, что я – всё.

В общем, он сказал:

«Ир, сначала – уточню, что соглашение о неразглашении покрывает всё совместное проживание. А не только после подписания. Понятно ли?»

А я – уже поняла, о чём. Уже застыла от стыда и ужаса. Но ещё цеплялась за надежду, что – нет. Он – ждал. Я уронила взгляд. И через силу кивнула. Стиснув в кармане когтану.

Он – сказал:

«Знаешь, ты, пока без сознания, орала и разговаривала. Так что – извини, я – знаю, что ты можешь говорить»

У меня – рухнуло. Оставив меня висеть в пустоте. Потерявшись. И пытаюсь ухватиться хоть за что. Но – за что, я ждала от него. Повода. На стыд, на ярость, на лютую тоску, на вскрыться...

Он – сказал, очень мягко:

«Я смутно догадываюсь, почему ты боишься применять голос по людям»

Я начала дрожать. Чтобы не согнуться от нестерпимого

сочетания «смутно догадываюсь» и – точнейшей формулировки «применять Голос по людям», которую, кроме меня, никто не знал. Мне было очень бешено, страшно и стыдно. От того, какая – я, и как неуклюже он делает вид, что не видит меня всю.

«Со мной общайся, как тебе удобней...»

Я не успела толком на это среагировать, потому как он – внезапно:

«... но я хочу уточнить, почему ты – в розыске».

И меня – выдернуло. Из стыда за себя в тупую ярость – в обиду на свою невезучесть, в злость на свою слабость, и в тупую ярость на Сергея. А ещё вернулся страх. Привычный донный страх, что меня – поймают. Допрос. Побои. Я – заговарю. И – всё. Так что лучше – сразу всё.

И меня опять начало подёргивать бежать. Пока он меня не сдал.

А ещё стало очень обидно. Почти до плача. Что я как последняя дура попала под шантаж спецслужб. Где вот это редактором – прикрытие того, чем мне предстоит на самом деле.

Лицо я удержала. Глаза – нет.

Он – вздохнул. Окликнул мягко, почти поверила:

«Ир, я просто хочу уточнить – ты тогда куда-то ушла, в лес, наверное, покричать. Он – услышал. Его – накрыло. Он попытался изнасиловать. Ты – убила. Так?»

Я – помедлила, решаясь. Открыла рот.

Попробовала сказать.

Переклинило.

Вздохнула-выдохнула.

Прошептала, глядя в стол:

«Зачем? Зачем спрашиваешь, раз знаешь?»

Он – молчал.

Я – вскинула взгляд. И натолкнулась на ярость. На лютую, холодную ярость.

Глаза – сами отвернулись, меня – пригнуло. Мысли – снесло желанием нестись со всех сил.

Он – очень медленно, страшно спросил:

«Скажи пожалуйста. Честно. Это – важно. А в строительном отряде 428, которым командовал твой дед, был инструктор по шиноби-до?»

Я... просто машинально пролепетала:

«Не знаю»

Он – выдохнул, подумал. Потом сказал:

«Мир – кабуки. Все – в масках. Тело – маска духа.

Возраст, пол, походка, голос – роспись.

Новое поверх старого – заметно.

Если снять всё – будет пустота, способная всем»

Помедлил, давая понять. Спросил:

«Ты такое слышала раньше?»

Ну, ярость от него – поутихла. И я смогла чуть-чуть сообщить, и ответить:

«Отзеркаль жертву и убейся...»

И – подождала, продолжит ли он. Но он – не продолжил. А вместо этого отвернулся. И выдал длинное ругательство на каком-то вообще левом языке. И – утробным жопораздирающим голосом. Ну, каким-то запредельно страшным до усрачки. Он это – не мне, не в меня выорал. Но вот почувяла, что если бы в меня, то...

А он, выругавшись, притух. Подошёл к кухонному столу, врубил вытяжку. Достал из шкафа сигареты, пепельницу, зажигалку. Сел, и закурил.

Молча.

А я решила... порычать. То есть тоже – закурила. Несмотря на ворчание лёгких.

Он – посмотрел на меня. Я – встретила взгляд. И выпустила струю дыма.

Ну, курить меня дед тоже научил. Сказав, что иногда – надо уметь. Но нельзя постоянно, чтобы не портить форму.

Пока голодала – иногда стреляла у какого-нибудь дедка. По пятницам.

В общем, он посмотрел, как я – курю, натужно глядя в потолок.

Ну и мне, вообще-то, на самом деле было надо. Покурить. Осознать, что он – знает.

А он тяжело вздохнул и сказал:

«Хреново мне, Ир...»

И – замолчал.

Я – посмотрела на него. На его мрачное лицо. Он – затоп-

тал бычок. Подхватил сигареты с зажигалкой.

Встал, вышел.

Вернулся, забрал камеру.

Вышел.

Хлопнула дверь.

А мне внезапно показалось, что он – ушёл насовсем. Ну, что я вообще останусь тут жить. Редактировать. Есть. Спать. Учиться. Поступлю. Отучусь.

Но всё – без него.

Дёрнуло – догнать. Мелькнуло – а кто я ему? Ну и какая я вообще. Потом – мысль, что он это играет, чтобы вовлечь в лабиринт.

А потом... потом я вспомнила его лицо в ярости. И угрюмое. Затянулась, затоптала.

Поняла, что оно – не демоническое, а просто человеческое очень красивое.

И вот это понимание – спустило лавину мыслей и эмоций. Которая началась потихоньку. С мысли, что раз он – человек... что если он – человек, я могу попробовать глянуть на себя с его точки зрения.

Потом мелькнуло, что его точка зрения – офицер спецслужб. Который, судя по издательству, разбирается в общении. То есть во всех этих стилях, скрытых смыслах, гипнозе, закладках и прочем. И что это – его работа.

Ну а потом – покатила лавина. Оценки меня и его. Всего.

Ну, начиная тем, что Шерлок Холмс бы легко сложил версию про самооборону от изнасилования... вытащив и посмотрев на княгиню. И попав под мой голос.

И заканчивая тем, что увидев, что – жесты, и я – вмысливаю, он подумал, что – нашёл, с кем отдохнуть от работы. Где – слова, слова, слова. Много болтовни. Очень часто – тупой, ни о чём. Или без единой мысли, вложенной в неё.

То есть... он, наверное, понадеялся, что – нашёл, наконец, с кем можно поговорить.

А потом меня накрыло стыдом и болью, что в его глазах, я – подводка от шпионов противника. Которую, просчитав его, подбросили втереться. И что это он во мне – демона, который ловит в лабиринт.

И я – застыла, погребённая осознанием, что мы... поймали бесконечный зеркальный коридор. Где оба думают про другого, что...

И всё сказанное и сделанное будет восприниматься через паранойю. С подозрением. Без доверия.

Хотя я...

А вот тут меня добило наглухо. Пониманием, что я сама – совершенно точно не смогу вдумать в зрителя что-то, что не хочу сказать честно и явно.

Ну, первую неделю в городе плакала от омерзения, как говорят пустое, или вообще орут как скот про рефлексy. Ну, слова-то вроде человеческие, но за ними – жрать, размножаться, опасность.

Глотком... чего-то в полную жажду, стало даже когда говорили одно, думая другое. Но – хоть что-то думая по-человечески.

Боялась, что сама разучусь общаться. И – покорило. Вдумывать стала с трудом. Как бегать в воде.

А он мне – чётко и ясно.

Как будто – нет никаких коварных замыслов.

И, наверное, на самом деле – нет. А я всё это...

Дура.

И что бы ни сказала – это будет восприниматься, как работа агента. Так что самое лучшее...

И тут я поняла, что он меня опередил. Ушёл. И не вернётся.

Упала на пол, свернулась в комок и завывала от горя, что всё – так по-дурацки.

Где-то через час, когда стало пусто, я собралась. Встала. И пошла обратно в постель. Доделывать работу, на которую подписалась.

Увлеклась. Так что когда щёлкнул замок – вздрогнула. Мелькнула чуть-чуть, надежда, что – он. Потом сменилась страхом, что он пришёл меня выселить. Обречённостью, что – выселит. И горькой безнадёгой, что такого я и заслуживаю. Ну и ещё, может, милицию привёл сдать меня. Что будет правильно.

Смахнула слёзы. Встала.

Застыла. Ну, поняла, что сейчас – войду на кухню, и не сдер-

жусь ни хрена. Рухну на колени, обниму его ноги и буду рыдать поверить, что я – не того. А он просто будет не иметь права вестись на это. Так что нехер позориться.

Успокоилась. Сцепила зубы. Сделала лицо. Пошла.

Вошла. В сумраки низовой подсветки. Он сидел за столом, разливал чай. Во вторую кружку.

Подошла. Посмотрела на чай. На шоколадный торт, который он раскладывал в тарелки. Посмотрела на папочку на столе рядом с ним.

Начала беситься, что не понимаю.

Он – протянул мне папочку.

Открыла. Вздогнула от шапки «Областной суд...»

Впиалась взглядом.

Прочитала постановление, что моё дело о необходимой самообороне закрыто в связи с отсутствием состава преступления.

Потупила, что так быть не может. Попыталась понять, как – может.

Поняла, что – никак.

Подняла на него взгляд. И – прошептала медленно, внимательно шевеля ртом с непривычки:

«Так быть не может»

Подумала, и добавила:

«Ты – кто?»

Он замер. Посмотрел на меня внимательно. Потом спросил:

«Ир, ты как думаешь, что такое АКРИ?»

Подумала. Покачала головой. Потом – шепнула:

«Не знаю».

Он неверяще поднял бровь.

Меня – пронзило... горем, болью, что он думает, что я – играю.

И я заорала. В голос. Со слезами. В него. С заносом в него мысли со всей силы, не сдерживаясь:

«Я НЕ ЗНАЮ!»

Посидели секунду. Он – в шоке. Я – яростно глядя ему в глаза. И видя там – хохот с восторгом.

Я – уронила взгляд. Он сказал:

«Вау. Охренеть».

Потом добавил:

«Съешь, пожалуйста, тортику, пока чай тёплый»

Встал, пошёл к компу.

А я – хлебнула чаю. Взяла ложечку, и отломилла тортику. Вместе с тортиком засунув в голову – я применила по нему Голос. А он – держится. И даже, вроде, лучше, чем дед. Ну, или коварен и всё будет позже.

Так.

Наверное, тут самое место вставить пояснение.

Вы все слышали записи. А некоторые – были на концертах. Так вот. Это – очень, очень сильно не тот голос, которым жажнуло по нему. Это – отбитый полутысячей часов

тренировок рабочий Голос. Полностью управляемый. Где я контролирую каждую грань и каждый оттенок эмоции и мысли.

Ну, вообще с заносом голосом у меня – врождённое. И людей всегда вздёргивало, что когда я говорю, мысль – залетает. И не понять, и не принять – не возможно. В детстве – ещё шутили, что колдунья и хорошо, что инквизиции нет. А потом уже не очень шутили, и я начала пытаться говорить тихо. И куда-нибудь мимо людей. Как-то – получалось. Но вообще молчала.

Дед в интервью рассказал, что я с тринадцати – молчала совсем. Почти. Потому что голос был слишком сильный и он – терпел, а остальным я стеснялась. Но больше – ничего не рассказал. А было вот что.

В тринадцать меня по зиме прижала к дереву тройка волков. И я поняла, что меня сейчас – сожрут. Совершенно точно сожрут, если я напугаюсь. И буду нервничать. А ещё я поняла, что в ярость – не смогу. В безумную боевую ярость – не смогу. И тогда меня со всей дури качнуло в другую сторону. Я припомнила закон бутерброда и изо всех сил, со всей воли, влюбилась в них и захотела им отдаться. Захотела, чтобы они меня сожрали. И вот это – смогла, вывихнув мозг, убив самосохранение. Ну, в общем, вывернулась в прыжке, и – смогла.

А волки – сели. В удивлении. Потом встали и ушли.

А я – сползла по дереву и колбасилась в истерике полчаса.

Ну а потом выяснилось, что в голосе намертво застряло вот это вот всё. И — я этим не управляю. То есть что б я ни говорила, кроме одной мысли, туда со всей дури вплетается эмоция «сожри меня». Ну, точнее, «возьми меня».

Ну дед, поутру после волков, полчаса меня послушал. Спросил, заметила ли я. Я — заметила. Тогда он чуть помялся и спросил, не против ли я, что он заведёт любовницу.

Вот тогда я и поняла. Примерно половину.

Вторую половину я поняла, когда первый раз сбегала в лес поорать песни. Когда обнаружила, что меня саму мой голос — тоже. Не сразу, но минуток через пять я с себя начинаю возбуждаться. Ну, сначала хотелось вообще себя сожрать. Там, палец откусить. Но вот это ещё нормально перекрыла. Но весной через полгода разоралась. И как-то не заметила, как накрыло оргазмом.

Рассказала деду. Он подумал-подумал и ответил, что, может, пройдёт. Ну и что сама знаю, что надо иногда поорать. Это-то мы раньше обсудили. Так что посоветовал не вообще в лес, а на старое капище. И там орать.

Из полтысячи тренировок голоса, сотня часов тренировок были чудовищными. Демоническими.

Мы с этой демонической скотиной сидели сутками в звукоизоляции. И выбивали заклинившее. То есть я часами орала на него, не сдерживаясь, на все лады, «сожри меня». «трахни меня». В оргазме, бляйн, орала. Падая на пол и содрогаясь. А потом — снова орала.

А он холодно, как тренер, воспринимал и толкал треню дальше. И так – пока я не начала это контролировать. То есть оно не исчезло. А я стала это контролировать.

Но вот тогда я это не контролировала ни хрена.

То есть я ему – команду, в мозг прямо, «трахни меня, я уже с тебя кончаю». А он – к компу.

Взревел принтер.

Он выдал мне распечатки. Те, которые «Меня зовут Ангел...» и так далее.

И я – сидела, кушала тортик и жадно быстро читала, в какой стране я живу уже месяц.

И – не очень верила. Особенно – местами. Особенно актуальными, но об этом – ниже.

Дочитала.

Попыталась уложить и покрутить. Прикидывая, что да как, если всё это – правда. А не лично мне написано.

Он сидел, печатал.

Посмотрела на него, на распечатки на столе. Мелькнуло, что – книги.

И – дошло, что такое АКРИ.

Прокашлялась. Тихонечко, и в холодильник как бы, сказала:

«Арт Корпус Российской Империи?»

Он – допечатал. Не сбившись. Повернулся ко мне. Посмотрел. Сказал:

«Точно. Остальное – пояснить?»

Кивнула.

Он улыбнулся, сказал:

«Ну, на старые звания, редактор-стажёр, это что-то типа прапорщика КГБ резерва. Которого можно спрашивать только с разрешения полковника КГБ, который главный кадровик. Ну и вообще полковник сам может порешать вопросы, если они – понятные».

Подумала, спросила. Тихонечко сдерживаясь:

«А ты – кто? И они что, совсем понятные?»

Он – вздохнул. Сказал:

«Вообще-то – нет. Не очень. По уму, труп бы неплохо проявить по варне для полноты картины. Чтобы точно сформулировать, что это было. Например, скот напал на вояку и от того – умер. Но поскольку он и так и так – умер, смысл шуметь? Его – не воскресить. Ты уже сама наказалась по самое нимагу. Хоть в тюрьму тебя пихай на исполнение приговоров, чтобы расклинило спокойно людей убивать»

Я подумала-подумала. И неуверенно предположила:

«Что, на Медную Длань натягивать?»

Он:

«А ты что, из пистоля – вот с пятнадцати на бегу от бедра в сустав бегущего?»

Я подумала, призналась:

«Не знаю. Из ружья, наверное, с пятидесяти. А из пистолета...»

Тут я вспомнила, что вообще-то... но он вбросил:

«Не парься. Статью за хранение вообще отменили. И как бы не наоборот. Для вояк».

Я ещё подумала. И буркнула:

«Только это для граждан Русской, а не Японской Империи. А дед всё ещё без паспорта. Пропал без вести в плену».

Он вздохнул, сказал:

«Если он тут живёт – он тут Житель, точка. Ну или Гость. А по варне его вопросов нет. И ношение разрешено всем по варне. А не по статусу Гражданства»

Подумала, мелькнуло спросить, откуда он так уверен.

Но вместо этого попросила закурить.

Он – подумал. Достал. Закурили.

Я собралась, и решилась.

Спросила в стол

«То есть Ангел видит меня всю?»

Он помедлил, кивнул.

Отмахнула ощущение, что мы поменялись. Я – еле слышно говорю, а он...

Спросила:

«А ты – штатный персонал Арт Корпуса, и он присматривает вокруг тебя».

Он помедлил, кивнул.

Я собралась с духом и всё-таки выдавила:

«То есть если бы я была внедрённым к тебе вражеским агентом, он бы хотя бы тебе сказал?»

Он помедлил. Вздыхнул. И ответил:

«Нет. Не сказал бы».

Я – очень растерялась. И успела начать расстраиваться и грустить.

Он посмотрел на меня, и добавил медленно:

«Он бы тебя переместил, если бы ты была вражеским агентом, который лезет в Арт Корп. А мне бы молча настучал по... душе. Молча. Но поскольку он – не переместил, а мне – не настучал, можешь быть уверена в том, что ты – не японский шпион. И вообще не шпион и всё такое».

Я ощутила какую-то большую недосказанность. Помолчали. Ждала, что ещё что-то скажет. Ощущая, что он от меня что-то ждёт. Но не знала – чего.

Я – подумала. Спросила:

«А можешь – честно? Зачем на фото тащил княгиню?»

Он хмыкнул, сказал. Нешуткой в шутке, но я тогда не знала, как это называется. И что он имеет в виду. И почему ему так страшно и стыдно это говорить. Сказал он:

«Хотел посмотреть на японскую принцессу».

Нахлобучило. Стыдом за себя. Тощую, стриженую под мальчика, и с лицом перекорёженным смесью генов.

Буркнула:

«Посмотрел?»

Он, нагло:

«Не-а. Завтра пойдём гулять по работе. И снимать профессиональный фотосет».

Мрачно посмотрела на него. Подумала, спросила:

«А вот если бы ты воровал мои нервы – Ангел бы тебя пристрелил?»

Он замер, глядя на меня каком-то остекленевшим взглядом. Я – напугалась, что что-то я затронула этим вопросом. Буркнула «извини».

Он – продолжил сидеть. Потом вернулся. И буркнул:

«Не понятно. Наверное, нет».

Я – хмякнула. Собралась было предположить, что Ангел его бы в тюрьму кинул, но он – договорил:

«Он бы хотя бы гранату кинул. Ну, или ядерный ранец».

И – мне стало страшненько. Потому как поняла, что он – серьёзно. Честно. И вообще это правда. Если б чё, то вот в него, Ангел – ядерный ранец. Ну или хотя бы – гранату.

И мне – расхотелось. Ощутила себя котёнком недалеко от драки волков с медведем. Очень не хочется смотреть, чтобы не заметили и не сожрали.

Подумала, машинально закрыла разговор:

«Ладно, завтра – пойдём».

Встала, и пошла спать. Замолчав пожелание спокойной ночи. Которое бы выглядело издевательством. Потому что я сама с себя уже наболталась на эротические кошмары. И не представляла, что будет делать он.

Точней, как легла – представила. Что он пойдёт в душ. И там возлюбится. А я – войду...

В общем, засыпала – долго. Пока не взялась за книжку,

которая меня кое-как усыпила.

Засыпая, вспомнила, что «спасибо» за постановление суда я так и не сказала.

Утром меня разбудил он.

Пощекотал за пятку и убежал.

А я обиженно буркнула молча мысль, что – конечно, он меня не видит, это ему Ангел нашептал, как меня дед будит.

Ощутила, что за ночь эффект от вчерашней болтовни не вполне рассеялся. Жёстко сделала зарядку, пытаюсь выгнать из организма истому.

За завтраком, вместе, взгляд толком не поднимался. Потому что получилось только загнать всё вглубь. Ну, ниже рёбер всё зудело. И не только потому, что заживало и росло.

Ну, так-то чай с бутерами прошёл молча. Но дожёвывая бутер, он сказал:

«Есть несколько... знаешь слово фактор?»

Метнула на него взгляд. Злобно-обиженный, что он издевается. Он смотрел выжидательно, ровно. Только гудел нацеленностью на работу.

Кивнула. Он помедлил, вздохнул. Сказал ровно, в стол:

«Отходя в бок от основной темы разговора, хочу понадеяться на твоё доверие, а заодно пояснить ход мыслей.

Я очень хорошо умею догадываться. Я – не вижу наверняка, как Ангел. Но очень хорошо умею догадываться»

Хмыкнула. Подумала очень громко злобненько, что под

грядущую игру в откровенность не хватает сигарет, может с лампами в лицо. Промаячила:

«Он – уровня 8-0, ты – 3-5?»

Он впетрил в меня взгляд. Помедлила, повернулась встретить. Еле удержала. Потому что смотрел – как серьёзный, уставший мужик на тупого подростка, который на гормонах гонит какую-то типа взрослую чушь. Ну, там, матерится, будучи девственником, например.

Смотрели пяток секунд. Я – уронила взгляд. Прошептала смущённо «извини».

Он вздохнул, и сказал, очень мимолётно и поверхностно думая, как капельки по броне прокатил:

«Виденье у Ангела не восьмидесятое. Немного пониже. А я – на другой ветке навыков, способной выдавать похожий результат».

Помолчал. Я – тоже, ощущая некое... что у меня в памяти оно – куда-то прячется.

Хмыкнула. Посмотрела ему в глаза с желанием курить.

Он – в глаза ответил:

«Вот сейчас я смутно догадываюсь, что тебе нервно от этой беседы и ты хочешь, чтобы я помог тебе её облегчить. А добавляя анализа, предполагаю, что этот взгляд гласит «давай закурим». Потому что вряд ли – «давай накатим по стопочке коньяка», или «давай отложим на потом» или «давай позовём наблюдателя-судью, который будет пояснять». Но при анализе приходится перебирать все варианты».

Я – уронила взгляд со стыдом. Ну и злобой, что меня ткнули носом...

Он вздохнул и сказал:

«Когда ничего не происходит, и мы – плотно в беседе, всё нормально. Мозги всё равно не особо заняты. Но я не уверен, есть ли у тебя привычка разделять мирную, можно сказать, штабную работу и поведение в бою, где надо сообщать сразу быстро наверняка.

Почитав... историю твоего деда, я догадываюсь, что, возможно, у вас есть набор распальцовок для охоты. И может быть, для дома в случае опасности типа соседи пришли бить всей деревней, или КГБ решило сделать план по шпионам. И наверное, у тебя есть привычка этими распальцовками пользоваться. Но ты знаешь, что я её не знаю. И когда хочешь что-нибудь сказать, просто кидаешь мысль с жестами. Иногда получается правильно. Но – иногда.

Поэтому – огромная просьба: я, пока ты на лечении, стараюсь держать в тепле, уюте и сытой. И на невнятные нарушения перечисленного откликаюсь как можно вдумчивей. Но я не читаю твои мысли полностью. Только ловлю то, что чётко и ясно.

В конкретном примере.

Хочу курить – это выданное тобой ощущение неудобняка.

Попробуй, пожалуйста, зайти в самоощущение княгини. И выдать где-то между просьбой и командой «дай закурить».

Я – повисела. Укладывая все взвихрившееся от его речи

эмоции и мысли... ну, только вот это «в тепле, уюте и сытой» чего стоило... где-то в организме родилось, но заблудилось ответное радостное повизгивание.

И любопытство от «почитал историю деда»... ну, потребовалось пара секунд сообразить, что, наверное, оно где-то есть в архивах НКВД. И, наверное, у него есть допуск почитывать. Ну, или позвонить туда, где архивы лежат и попросить копию. И ещё пара секунд – проглотить вопрос, а что он там вычитал.

Так что за выполнение... его команды, я взялась секунд через десять, в легком бешенстве и раздрае.

Посмотрела на него со всем этим и мысленно рявкнула «дай курить».

Сразу поняла, что рявкнула – зря. Ощутила себя...

Извиняюсь за пошлую странную аналогию.

Первый раз я стреляла, из трёхлинейки, в двенадцать. Когда была на пару ладоней ниже винтовки и весила килограмм около двадцати пяти. То есть в перерасчёте, это как среднему мужчине, которое пять пуд сажени, – из трэша... трёх шестёрок, без дульного тормоза.

Для заграничных слушателей: полагаю, про три русских калибра, вертелка, валялка и трэш, квортеринч 6,5, фо-лин 10,0 и три шестёрки, триплсикс 15,12 вы в курсе.

Соотношение 15,12 к 7,65 и восемьдесят кило к двадцать пять... короче, я приуменьшаю, что как эталону из трэша.

Ну, тогда дед смастерил подушку бронебойщика. И велел напрячь всё тело. И выложил правильно. Ну и всем телом и снесло отдачей.

Так вот. От мысленного рывка на кухне ощущения были... ну, как будто бабахнула, уложившись, чтобы между ног было дерево.

Ну, можно сказать, выкинула импульс из горловой чакры, а отдача прокатилась и бахнула по нижней. А оттуда срикошетила в мозг.

Так что – рывкнула, и – окаменела, стиснув зубы, чтоб не застонать.

Он подумал-посмотрел. Молча выставил пепельницу с сигаретами.

Взял себе, посидел-подождал, пока я зашевелюсь.

Вязко, натужно потянулась к пачке. Взяла.

Дал огоньку. Метнула на него стыдливый взгляд – понял ли.

Увидев спокойное лицо, поняла, что – всё понял, но делает вид, что нет, чтобы мне можно было сохранить лицо.

Мрачно пыхнула дымком.

Он – сказал:

«Сквозит у тебя какая-то неуверенность в том, что тебя воспримут. И сообщения кидаешь со всей дури. Попробуй принять вот какую точку... бытия и зрения окрест:

Всё вокруг – твоя свита. Они постоянно держат на тебе

чуть-чуть внимания, чтобы поймать и исполнить. Вот, как я, например, в роли твоего лечащего доктора и хозяйки квартиры, занимаемой дорогим гостем».

Ну, вы поняли, откуда задумка песни «Подкроватия».

А тогда мне – поплохело. Мелькнуло, не успев толком сформулироваться, безумие... ощущение полной безнаказанности за любую херь, которую по любому намёку кидаются выполнять окружающие. И огромный ком этой хери – тоже мелькнул на доли секунды. Где на поверхности мелькнула вишенкой на торте картинка, что хозяйка гостиницы – вылизывает после туалета.

А потом оно всё сразу сменилось ощущением полной пустоты и нежелания жить. В смысле – общаться и кого-либо видеть.

Я потупила пару секунд. Потом через силу медленно – затянулась, выдохнула струю дыма и прошептала:

«Не могу».

Он удивился:

«Ну – как это? Зверушек в лесу – можешь, а человечков в городе – нет?»

Мелькнуло то самое, с волками. Потом – как в деревне собаки подходили пообщаться. А в лесу иногда – лисы, рыси, которых чуяла метров за двести.

Потом жахнуло яростью, что он копается у меня в памяти,

как у себя. Безумной яростью.

Которая подбросила на ноги и очень тихо, холодно, отмо-
роженно отчеканила:

«Пшёл вон из моих мозгов»

И повела тело на выход.

В дверях кухни в спину влетело:

«Ну вот, а говоришь – не могу... ЗАМРИ!»

Замри – это когда я от «говоришь не могу» – встала в две-
рях и мелькнуло, как дед на рукопашке состояние боя вытас-
кивал.

А потом было начала понимать, что эта скотина со мной
делает, и из ярости я почти вывалилась. Но не успела выва-
литься от «замри».

Он сказал:

«Не вываливайся из этого состояния»

Повернулась. Подмаршировала к столу. Прорычала тихо,
в пространство над столом, чтобы не сдерживаться:

«А потрошить человечков, как зверушек – тоже можно?»

Он хмыкнул, сказал... почтительно, как мажодорм:

«Ваше высочество, запасы дикого скота в наших темни-
цах исчерпались. Но если изволите, в несколько часов могу
наловить на улице. Будут ли пожелания по возрасту, полу,
виду?»

Меня накрыло пониманием, что он не совсем шутит. То
есть я – могу. Попросить... повелеть наловить мне пяток
юношей и сделать с ними всё. А он потом утилизирует остат-

ки.

Если бы не опыт... добычи мяса в лесах – я бы блеванула прямо на стол. А так мне просто было жутко. От ощущения, что я – на ребре. На режущей кромке меча. И я или приму эту игру... эту роль в игре в жизнь. Или мне останется бытие той, которую ловят.

И я – не знала, куда идти. Потому что смерть была и там и там. Только в одном случае...

Что-то... наверное, изъятая из глубин, тщательно скрываемая, чтобы не сломали, гордость, сказала... приказала мной:

«Сегодня мы заняты. Однако, потрудитесь восполнить запасы».

Он – встал, и склонился в поклоне.

Кивнула.

И вот с этим кивком всё это стало мной.

До меня дошли прочитанные речи Ангела. До меня дошло, что... мерзких человечков, которых не много, но от которых мне было очень хреново на улицах и в транспорте, на самом деле можно ловить и потрошить. Мне. Потому что я – в Империи. И – княгиня.

И я могу не делать это сама. Потому что у меня может быть свита. Которая сделает это за меня и для меня. И которая, как наши собаки, будет грустить, если хозяева ничего не приказывают.

А потом мелькнуло ощущение, как я – в деревне, чую всех

собак и они меня. И – мгновение, когда они собираются взорваться лаем на пришлую... волчицу. И я успеваю стать человеком и спокойно сказать: молчать, вы меня устраиваете там, с кем вы есть, не буду я вас в лес сманивать.

И от этого ощущения жажнуло ощущением, что мне не надо никого сманивать в свою свиту. У меня в свите, там, где мне нужно, и так вся Империя. А я – могу быть у неё. У них всех. На своём месте, с которого никто не будет выгонять, если моё.

Не выдержала. Из тела – выдернуло стержень, и я сложилась на пол. На колени сгорбившись.

Он – сел рядом. Плюхнулся на попу, скрестив ноги. И задал вопрос. Который до сознания просачивался медленно:

«У тебя дома есть земляничное варенье?»

Вытащило удивлением. И раздражением.

Сказала, холодно:

«Зачем спрашиваешь, если знаешь?»

Он, спокойно, но как-то без шутки, но весело:

«Я не знаю. Я – догадываюсь. А много или всего пара банок?»

Я, ну или тогда ещё пока не совсем я, почти не задумываясь, естественно, ответила:

«Во всей деревне, полагаю, наберётся не менее пары десятков вёдер. Я не считаю, кто сколько набрал и наварил»

Он хмыкнул, сказал:

«Очень хорошо. До идеально – смысл второй фразы впол-

не передан «полагаю» и обобщением «пары десятков»».

Я – замерла от мысли, что, наверное, мне можно... просто не общаться с теми, с кем приходится общаться не так, как я хочу. Можно не ломать себя, не паясничать так, как заходит в них.

А потом – пронзило ощущением, осознанием, что с ним мне... я с ним просто общаюсь. Что это – третий человек в мире, с которым я за последние три года общаюсь голосом. Причём второго я убила.

Окатило, пропитало... разными эмоциями.

Почти сразу – с собачьей тоской и грустью, что кто – я, и кто – он. Ну, точнее, какая – я, и какой – он.

А он сказал, снова – как каплями дождя по броне:

«С-с-сегодня...»

У меня вообще, цепануло, что как-то затянута вот это «с». Но – не обратила. Услышала только:

«Сегодня, ты работаешь под другим именем. Многие редакторы, как и писатели – работают под якобы псевдонимом. Хотя – просто отказываются от фамилии рода и клички, данной родителями. И работают под своим истинным именем. В отличие от актёров, которые берут какой-то звучный псевдоним в рекламных целях. Типа «мыр-мыр», «Мырлин Мырло».

Потому предлагаю тебе: во-первых, под фамилией рода. То есть Мацумото. Тут хочу отметить, что вообще-то даже юридически, хотя не оформлялось... Отец – не тот, кто за-

делал, а тот, кто поддерживал и воспитывал. То есть ты одному пожилому самураю – приёмная дочь с полным правом на фамилию. А то, что он тебе дед – это детали. Несколько неудобно его не спросить, но догадываюсь, что он будет не против».

Чуть улыбнуло от «догадываюсь, что не против». Типа он не знает про «извини, я не обучен воспитывать девочек, и могу обещать только то, что воспитаю из тебя Мацумото».

Помедлила. Сказала по-японски:

«Я – Мацумото».

Помедлил. Откликнулся:

«Хай, Мацумото-сама».

Меня начало потихонечку распирать от смеха. И от смущения, что «Мацумото-сама» – это мне. И от того, что это не серьёзно как-то, хотя не понарошку. И от его гайдзинской неуклюжести с попыткой соответствовать. И от ощущения правильности тоже начало распирать на радостный смех.

Фамилия в свидетельстве о рождении меня бесила. Когда подавала на паспорт – хотела поменять на Мацумото. Дед запретил, объяснив, почему. Во всех деталях включая японские интриги с пятнадцатого века по 1944-й, из-за чего у нас – мизерные, конечно, но не исчезающие малые шансы поймать сюрикен от пятёрки нанятых по наши головы шиноби. Именно сюрикен, а не кунай. Из-за чего он, в том числе, после лагеря военнопленных пропал без вести, а не вернулся.

Ну и в расправившем меня смехе – была нотка истерики, что теперь придут они за мной, ниндзя с сюрикенами. То есть вся та хрень – придёт.

А он – продолжил:

«Касательно личного имени, я предлагаю международный обработанный вариант. Айрин. Рина или Айри или Айра – разговорное русское сокращение»

Замолк. Я – зависла. С нарастающим внутренним хохотом пытаюсь не завозмучаться вслух, откуда он взял «Айри» с «Айрой», если дома я уже второй десяток лет как «Рина».

Буркнула, чтоб не заржать:

«Меня второй десяток как Рина зовут».

Он помолчал и включил... ну, я потом узнала, что это называется «административно-боевой режим с посекундной тарификацией рабочего времени»

То есть он стал очень быстрым и бодрым. И меня взбодрило ощущением, что я – в схватке, на татами.

А он – скомандовал:

«Тогда, Айрин Мацумото, вставай и побежали работать. Минута до выхода»

И – убежал одеваться.

Следующие часы эмоций почти не было. На них, как в драке, не хватало внимания.

Я потратила секунду испугаться, что я не знаю, что делать.

И ещё секунду – со стыдом усомниться, что справлюсь. Потом решила, что Айрин Мацумото может довериться ему по заботиться о ней. Если сама не будет его подводить.

Вскочила, рванула было в комнату. И – замерла в непонимании, зачем. Потому что одежды у меня никакой другой не было. Потом – сообразила, что он имел в виду. И рванула в туалет.

Через почти минуту стояли в прихожей. Я, закончив завязывать шнурки, потянулась к «пилоту». Он махнул рукой «оставь» и махнул, уже в движении к двери, «за мной».

Удивилась. Успела вздрогнуть от предвкушения холода и понадеяться, что мы – пробежимся, и это не далеко.

Почти всё угадала.

Вышли. Спустились по лестнице. Не выходя, завернули в дверь в подвал.

Прошли почему-то аж два пролёта в темноту.

Он шепнул «стоп», и я не стукнулась в ему в спину.

В темноте клацнул кодовый числовой замок.

По команде «ход» аккуратно перешагнула порог двери, встала. Он – очень громко захлопнул дверь за спиной, обогнал.

Спустились ещё на два пролёта. Он – выстукал по двери ритм. Дверь – распахнулась, и я увидела небольшой тоннель с лампочками.

За дверью стояли два автоматчика. Не в форме. В броне и в касках. В серо-цифровой раскраске. Как на той шапочке,

в которой я ходила с мусором.

Ну, вот эта мысль, что я тоже в таком цвете ходила, меня успокоила. Дала ощущение, что это – свои.

Они – расступились, мы – вошли. Он со всей дури захлопнул за нами дверь.

Увидела в туннеле напротив нишу с третьим в цифре, но уже – пулемётчика, который нас держал почти на прицеле.

Он...

Так. Вот тут возникает проблемка.

Я не буду называть ни имени, ни фамилии. Все и так поняли, ну или точно поймут чуть ниже, о ком речь. Пока мы были вдвоём... в истории – вдвоём, то вполне хватало просто «он».

А теперь, как появились другие, надо его как-то назвать, не забегая вперёд.

Можно, конечно, обозначить его Хозяин. В смысле – хозяин квартиры, где я гостила. Или даже Хостелмастер. Или просто Мастер, что хозяин по-английски и сами страдайте, как переводить интервью.

Просто предчувствую, что хейтеры завалят воплями, что я тут на самом деле имею в виду, подсознательно, что Хозяин – тощей рыжей похотливой течной сучки. И это я тоже имею в виду. Только где-то в пятую очередь. И скорей про больную бездомную собаку, которую подобрали и подлечили, и которую трепало сомнением – вот тут оставят,

или кому отдадут и что бы сделать, чтобы не выкинули обратно.

Так что... далее по рассказу буду обозначать его Деск. Демоническая Скотина. А не только английское «рабочий стол, конторка, органайзер, пульт управления». С игрой слов, что я была с Деском, то есть сидела за рабочим столом или даже на пульте управления.

Само собой, я в курсе, кого в не самых узких кругах называют «десками». А вы-то в курсе, что «демонстрация» и «демон» – не однокоренные слова?

Короче, Деск.

Деск показал автоматчикам удостоверения. Два.

Глаза автоматчика над маской посмотрели на меня, на удостоверение. Автоматчик – отшагнул. Деск сунул удостоверение в карман и потрусил по коридору. Я, секунду помедлив – за ним. Удерживая лицо, но внутри возмущаясь, что у него – какое-то моё удостоверение, но я не в курсе. И что автоматчики непонятно что подумали от того, что моё – у него.

Как отбежали на пару десятков шагов, он – ответил:

«По внутреннему протоколу, стажёр первую неделю, пока не сориентируется на объекте, перемещается только в сопровождении куратора, и пропуск стажёра – у куратора. У того сотрудника, который в этот момент – куратор. Передача пропуска равно передача надзора над стажёром»

Подумала, показала большой палец такой простой проду-

манной системе.

Через сто метров прижались к стенке, пропуская телегу газетных листов, которую катили два рабочих.

На нас посмотрели с любопытством. Особенно – на меня. Но – молча прокатились мимо. И мы тоже – молча обошли по стеночке и побежали дальше.

До следующей двери. Точней, двух – грузового лифта и двери на лестницу.

Диск показал пропуска ещё тройке автоматчиков, мы прошли на лестницу. Через дверь с числовым замком в темноте вышли к просто двери, и из неё – в коридор, где молча, очень быстро работала бригада штукатуров, а им откуда-то сверху бегал ручеёк курсантов с вёдрами раствора.

Я удивлённо притормозила, как верхний из пары штукатуров перешагнул козлы, как ходули, и принял следующее ведро.

А потом мы свернули и потрусили в нештукатуреную часть.

Завернули за угол. Прошли ещё чуть-чуть и ещё через дверь вышли в комнату сто на тридцать метров, заполненную стеллажами и вешалками с одеждой. Пробежали через неё, и через ещё коридорчик попали в парикмахерскую. Очень чистую, полную зеркал и камня. И игры света. Как какой-то сказочный храм. Или воплощённый кусок зеркального лабиринта.

На повернутых клиентских креслах сидели и болтали, ви-

димо, ожидая нас, двое.

Пожилой дядька с пепельной бородой, хвостом волос. Добрый, но какой-то очень отстранённо-внимательный.

И – женщина, которую я мгновенно обозвала Стальная Леди. Потому что никак по-другому её назвать было нельзя. Ровное лицо. Из самых средних деталей. Разве что, глаза не просто серые, а сталисто-серые. Как ствол с вытертым воронением. Хвост серых волос. Серое тонкой вязки платье с капюшоном. Чёрные армейские ботинки. Чёрный нейлон чулок. И, на шее – ручка-кулон из воронёной стали. Мелькнуло, что жаль, что нет своей обозначить принадлежность. И посмотрела она на меня – холодно. Как может посмотреть, наверное, сабля со стены.

Диск в том же режиме «бегом бодро весело» сказал:

«Так, команда. Это – Айрин Мацумото».

Посмотрел на Стальную Леди и добавил с ноткой намёка на угрозу:

«Из рода Мацумото».

Фразу «на самом деле» он не сказал, но она – прозвучала. И взгляд Стальной Леди сильно поменялся. Ну... теперь на меня смотрели, как сабля на катану.

«К Мацумото-тян можно кратко обращаться Рин. Это, считайте, текущий позывной.

Обращу внимание, что Рин полностью владеет русским, но временно под жёстким ограничением на устную речь и умеет объясняться жестами на уровне мастер-мима любому,

кто хочет понять. Хотя по сегодняшней задаче от неё вообще не требуется говорить.

Этот кусок оружейной стали изящнейших форм – Марина. Вячеславовна добавлять туда же, где Мацумото-сама. Можно на ты, но под обещание пофехтовать на ножах, как будет возможность».

Марина посмотрела на Деска очень вопросительно. С угрозой пренебрежения.

Деск повернулся ко мне и сказал:

«Покажи, пожалуйста, Марине Вячеславовне... небесно-синюю когатану. Её, желательно, вписать в причёску и отстроиться по имиджу от неё в том числе».

Я помедлила, вспоминая, как это. Ну, дед сказал-показал один раз мельком, с охотничьим ножом. Так что я не сразу – вытащила вещь, уложила на пальцы, поджав большие и только потом, показав, что несу и что не готова хватать, подшагнула и протянула с поклоном.

Марина – замерла, рассматривая. Потом – не вставая из кресла, поклонилась мне и сказала:

«Очень красивое. Спасибо, что показала».

Я – убрала, отшагнула.

Марина вопросительно посмотрела на меня. На Деска. Он недоумённо махнул плечами. Марина встряхнула рукой, клацнуло и у неё на протянутой мне ладони оказался кнопарь. Не бандитский. А какой-то военный. Цельноостальной. Матово-серый.

Я – маякнула, что вид ножа тронул мне сердце и поклонилась.

Марина понимающе, как своей, угукнула. Нож исчез.

Деск метнул взгляд в дядьку, который кусал губу, и бодро сказал мне:

«Ну, вот эта Сталюка, позывной Люка – вообще-то скорей кисточка, чем резец, которая умеет рисовать образ человека целиком».

А потом – сказал Марине:

«Люка, сегодня нужны фото. Статика. Не вибрируй, что стажёр в движении иногда выпадает за маску».

Марина вздохнула, кивнула. А я – уронила взгляд в пол. От понимания, наконец, что такое Марина. И почему, возможно, у неё фигура – на двадцать, лицо – на тридцать с чем-то, а волосы – седые.

Деск показал мне на дядьку.

«Это – Витёк, можно резать до «Тёк» За Виктор Дмитриевич – обижается, что состаривают.

Тёк – мастер по отлову картинок на фотоплёнку. С любой дистанции и при любом свете. То есть откуда чем снять выстроенную кем-то сцену – он может. И в свет поиграть – тоже, буквально за пять секунд подстроив до идеального. Строить картину он тоже может, но тут с ним лучше обсуждать, чтобы получалось что-то живое, а не фотоиконны».

Витёк улыбнулся и помахал мне рукой. Я – махнула в ответ.

Деск – скомандовал:

«Задача сегодня. Нужно фото Рины в одних же местах в двух масках полностью. Маска раз: дочь даймё, по молодости вращающаяся в кругах якудзы подругой молодого босса и помогающая ему с планированием операций и бухгалтерией. Маска два: дочь ярла, боевик-координатор Ирландской Республиканской Армии под прикрытием начинающей рок-музыкантки, экспортирующей ирландскую культуру в мир. На одной из фото будут пары из Японии и Ирландии. Там они сидят на встрече, где обсуждают контрабандные поставки японской техники в США в обмен на поставки из США оружия с боеприпасами, оба канала – поверх официальных с перевалкой в открытом море с японского сухогруза на ангольский с ирландской командой из граждан США.

Столько деталей – для пояснения того, какие и чем занимаются дочери даймё и ярла.

Люка, в образе «дочь даймё» – можно зафиксировать. То есть крась, как удобней. Снимаем в любой последовательности.

Вопросы?»

Тёк поднял руку и спросил:

«Сколько?»

Деск:

«Счас сдам Рину Люке и пойдём смотреть, где-как. Ещё?»

Посмотрел на Марину. Она – кивнула. Он достал-отдал ей мой пропуск.

Марина посмотрела на меня, на него, спросила:

«Час? Гнать полчаса?»

Деск ответил:

«Не спешим»

Марина сказала:

«Всё, валите»

И они – свалили.

А она посмотрела на меня и сказала спокойно:

«Надо что сделать, перед тем, как на полчаса – неподвижно в кресло?»

Покачала, что нет. Она – кивнула на кресло.

И – полчаса. Закрыв глаза и переваривая последние события.

Руки у Марины были прохладные. Во всех смыслах.

Через полчаса – она подняла из кресла, и потащила в костюмерку.

Завела в раздевалку, сказала – скидывать. Я – на секунду зависла, собираясь с духом раздеться перед незнакомой.

Марина сказала спокойно, что ей надо глянуть размеры, чтобы точно подобрать.

Подумала ещё секунду. Поняла, как мне сохранить лицо за паузу – непониманием, насколько раздеться. Разделась до трусов. Покрутилась.

Марина сказала «ага» – и ушла. Вернулась с пакетом красного белья, джинсами, майкой-безрукавкой. И мешком бижутерии. И с рыжими берцами.

Оделась, она обвесила меня фенечками и кольцами-серьгами-ожерельями. И увела обратно.

Посадила в кресло и начала красить лицо.

Пришли, споря о теплоте света в кафе, Деск и Тёк. Марина бросила «две минуты».

Докрасила, отошла.

Я – открыла глаза, посмотрела на Марину, на Тёка, пялившегося с «вау» на лице. На Деска.

Он осматривал задумчиво. Посмотрел на Марину, сказал: «У меня – чуть рвет. Хиппи – вижу. Ирландку – вижу. Рок-музыканта – не очень. Они, как мне кажется, в коже, в чёрном и сталью обвешаны».

Марина – спокойно:

«Это не хиппи, а ирландский фолк-рок. Эквивалентно русским народным песнопениями до крещения Руси. То есть кокошникам, языческому обвесу амулетами и всё такое. И вот оно уже – в рок-обработке для исполнения на электронных инструментах типа электробалалайки. Причём прикрытие должно сидеть криво. Потому как лейтенант-аналитик снайпер рукопашник-ножевик ячейки подпольного сопротивления – это больше, чем рок-певица и по краям будет накладка руководителя коллектива. То есть бизнес-имидж, рассчитанный на обе целевых аудитории. Белый верх, тёмный низ».

Вот только тут я встала, подошла к ростовому зеркалу и наконец, посмотрела на себя. До этого как-то... чуяла, что

Марина мне не показывает полработы. И ждала посмотреть целиком.

И замерла, делая вид, что рассматриваю. Как майка на-выпуск ниже жопы скрывает её узкожопость. Как красный лифчик с подкладкой подчёркивает, что там всё-таки что-то есть. Как джинсы обтягивают короткие, но прокачанные нижние лапы.

И что вообще Марина сделала с моим лицом, вывесив по бокам две вплетённых в остатки волос накладных косы с бисером цвета глаз. И превратив подводкой глаза в смотровые щели, за которыми пылает зелёный огонь цвета сгорающей меди. С волосами как раз этой самой меди разных оттенков патины.

Остальное лицо... ну, я себя узнала. Но поначалу подумала, что – перебор. А потом сообразила, что я – рок-певица. И поняла, что до сценической размалёвки – недобор.

Вот тут Деск – отколол. Посмотрел на Марину. Получил у неё мой пропуск. Потом вынул из-под толстовки пистолет и засунул мне за пояс.

Сначала я посмотрелась. И поняла, что майка – почти прячет. И только потом аккуратно вытащила незнакомое оружие и посмотрела.

Оружие оказалось почти знакомым. Я – нервно осмотрелась, выискивая, куда. Нашла столик перед креслом. Вопросительно посмотрела на Марину.

Она – кивнула.

Я – подошла к столику, и аккуратно раскидала ТТ, удостоверившись, что это – он. Хотя обойма – двурядная на кнопке и изменёны угол рукояти, калибр и длинна ствола. А из затворной рамы торчит часть ствола с резьбой. Собрала, протянула Деску. Он покачал головой, достал-протянул вторую обойму.

Сунула её в карман джинсов.

Деск махнул рукой, и мы пошли.

В тир. Стометровый на пять дорожек. Пустой, не считая деда за стойкой оружейной комнаты в углу.

С мишенями напротив каждой дорожки, оттянутыми на возрастающие дистанции. И с обоймой на каждом столике дорожки.

Деск мне просто кивнул.

Я – подумала, щёлкнула по пистолету, изобразила руками угол вверх-вниз и кривизну-пологость полёта.

Он – ответил ТТХ.

Ну, вы поняли, что за пистолет и не буду зачитывать по памяти абзац.

Я подумала, вспомнила речи Ангела про Медную Длань, и решила показать всё, что умею и насколько.

На пятнадцать с упора правой на левую выбила глаза, пупок и крестик на сердце. Потом вернулась на первую дорожку, и на пять метров отстрелялась от пояса с левой и с пра-

вой по конечностям. На двадцать пять попробовала от бедра просто попасть. На пятьдесят отработала с одной руки. По очереди левой-правой, медленно. И на сто – с двух рук вылила всю обойму.

Деск понажимал кнопки возврата. Снял художественную. Повесил на гвоздик у оружейки. Рядом с мишенью, где были выбиты глазки, соски и улыбка.

Посмотрел на меня. Я перехватила пистолет кончиками, как нечто грязное, и вопросительно махнула вверх-вниз на оружейку.

Деск показал «погоди» и махнул на мишенное поле и пошёл туда. Я – за ним. Зарядилась, встала.

Через десяток секунд сзади раздался визг и шаги. И я – поняла. Развернулась и стала плавно отходить, разрывая дистанцию. Потому что...

Но двое работяг занесли не кабана. А свинью. Я укоризненно посмотрела на Деска. Он оскалился в ответ.

Мясо вытащили на поле, уронили. Свинья вскочила и понеслась. Мимо меня в пяти шагах, так что пулю в затылок я засадила одну.

Посмотрела на Деска. На рабочих, которые перевели взгляд со свиньи на меня и тоже застыли пялиться. Подумала, ткнула в свинью и помахала рабочим стволом пистолета «на вынос».

Они – подорвались и унесли.

Я – убрала пистолет и вопросительно посмотрела.

Он внимательно, тяжело посмотрел на меня. И я поняла, что сейчас что-то будет.

Деск пошёл к пулеуловителям.

Я зацепила взглядом валявшийся там у стены мешок и поняла – что.

Вспомнилось про пополнение запасов в темнице.

Вот тут была самая эмоция в «Подкроватию».

Я поняла, что в лицо – не хочу. По крайней мере, не зная, кому и за что. И может быть, даже, не смогу. Если – человеку, а не мерзкой скотине.

Так что я выдернула пистолет обратно и, откуда стояла, вылила обойму в мешок. Который задёргался, выгибаясь от выстрелов. А потом пару раз выгнулся в агонии и обмяк.

Деск, застывший... за пару секунд до первого выстрела, повернулся и посмотрел на меня вопросительно. Недоумённо. Но – понимающе. И с ноткой насмешки.

Я выплеснула эмоции тихим рывком. На английском.

«Don't waist my time!»

Засунула пистолет за пояс, развернулась и пошла. Тщательно печатая шаги, чтобы скрыть дрожь. И от тошняка убийства. И от отдачи с рывка.

Дошла до оружейки. Раскидала на столике сбоку пистолет. Молча сунула деду пустую обойму.

Он хмыкнул, поставил коробку патронов, и тряпку, шом-

пол и масло.

Почистила. Собрала. Набила.

Успокоилась.

Повернулась к Деску который стоял рядом. Протянула ему пистолет.

Он махнул рукой «оставь».

Развернулся и пошёл.

И я – за ним. В состоянии... готовности пострелять ещё в кого-нибудь, если подбросят нервных сюрпризов.

Но нервных – не было. Кроме пары. Но – скорее приятных.

В одной комнате – отфоткали у голой бетонной стены ростовые. В разных позах и типа эмоциях. Точней, мимиках.

То есть «Ладно, Теперь ты типа улыбаешься, показывая, что оценила шутку с предложением сыграть в ихнем баре за чаевые...» И разные лица. С «посмотри через камеру на зрителя и передай ему что-нибудь. Ладно. Скажем, передай ему, что ты разрешаешь ему жить дальше... ладно. До него не дошло, скажи это ещё раз. И ещё раз»

Потом был первый сюрприз.

Мы перешли в гостиную. Обставленную. С накрытым столом и полукруглым диваном.

Там стояли Марина и очень напуганная девица. Вот, почти такая, как я представляла себе девятнадцать пруффридеров. Она метнула на меня взгляд, в котором прострелила зависть. Точней, очень, очень внезапное для меня чувство.

Желание быть такой, как я.

И я – пошла к окну. Переварить вот этот взгляд. Что она, – в туфлях, чулках, бизнес-костюме, украшениях, косметике, с длинными ногами, жопой, титьками, – завидует – мне.

За спиной вспыхнул диалог. Девица сказала, что актёр не доехал, ДТП, звонил из больницы. Рыжих бородатых в оперативном резерве пока нет. И надо гримировать кого-нибудь из коридора, о чём она как раз пришла договориться с Мариной, чтобы узнать, через сколько времени будет готово.

Потом чуть колыхнулся воздух. И за спиной все замерли.

А потом раздался отчаянно-яростный крик Деска:

«О-о-о! Здорова, братуха! Сколько лет, сколько зим!»

И ответный:

«Ай, скотина, пусти... я на минутку, ирландцам маякнуть...»

Обернулась – увидела, что Деск тискает в объятьях рыжего мужика. С лицом, которое мне вот тогда показалось – если б у меня был старший брат, у которого черты лица стояли ровно, то – вот.

А остальные почему-то стоят и пялятся на всё это в шоке. Особенно – девица.

Тёк подошёл к девице, повернул и подтолкнул к двери.

Деск отпустил рыжего, и посмотрел ему в глаза.

Тот растёкся в улыбке и сказал:

«Не-не, это ты сам себе вселенную крутанул»

Деск – отошёл. Рыжий посмотрел на Марину, достал из

кармана кусок рыжих волос, протянул ей, ткнул в подбородок, выставив его вперёд.

Марина, натужно преодолев оцепенение, подшагнула, начала прилаживать парик. А рыжий покосился на меня. И сказал:

«Сестрёнка, мне не хочется часто значки менять. Так что чуть попозже».

А я – не поняла, о чём он. Меня оцепенило от понимания, каково оно, когда тебя на самом деле видят до дна целиком.

Марина приладила бороду. Рыжий – подошёл ко мне, обнял и прошептал в ухо:

«Люблю тебя, извращенка мелкая и засранка голосистая».

И меня – отпустило. Разжало. От понимания, что меня рассмотрели и приняли... ну, со всем говном и немытыми ногами.

Потом он отшагнул, взял за руку и сказал:

«Пошли уже фоткать привет всем от лица ирландцев».

И – потянул.

Сели за столик... Ну, короче, нафоткали за пяток минут, как мы типа общаемся с Деском и Мариной на другом конце стола.

Деск – командовал... мне. Рыжий делал до команды.

Потом Рыжий покосился на Тёка, встал, призывно махнул ему рукой. Деск метнулся, нажал спуск фото. И ещё – пяток фото.

Потом Рыжий хитро покосился на Марину. Подшагнул,

обнялся с ней. Потом – со мной, с Деском, пожал руку Тёку. И с хлопком исчез.

Вот только тут до меня дошло наверняка.

И я даже посмотрела на Деска и прошептала вслух:

«Это Ангел был?»

На меня посмотрели все трое.

Переглянулись. Марина и Тёк уставились было на меня, но их взгляды отдёргнулись на захохотавшего Деска.

Он через пяток секунд резко убрал хохот внутрь, под маску лица. Посмотрел на злобно-обиженную меня, сказал с восхищением:

«Сейчас почти вся Империя знает Ангела в лицо. Но теперь она чётко делится на тех, кто впервые увидел его на фото или экране, и на тех, кто – вживую за прошлый год, обычно – при получении Пайдзы. И мне кажется, что ты, Ринка, последняя из тех, кто сначала – вживую».

Я нервно маякнула «Я – не Пайдза».

Он внимательно посмотрел, сказал «Тебе русским языком сказали, что Медную Длань – хоть сейчас. Просто остальные поля пока в стадии роста и определения, и как только стабилизируются – так сразу»

Я подумала. Ещё подумала, пытаюсь сообразить, за что я могу получить какие-нибудь Перст и Око. Потом вспомнила, что – редактор. И речь про сбор фактов. И поняла, что, наверное, став редактором с Медной Дланью, буду доучиваться на что-то ещё и получу Медное Око.

Погоняла мысль, что хочется что-то ещё.

Люка тем временем повернулась к Деску и тихо спросила:

«А так про смахнуть на ножичках – это не понарошку?

И вообще позвольте удовлетворить любопытство, как ныне учат в роду Мацумото»

Я – вспыхнула. И уставилась на Деска с вопросом. Ну, меня накрыло яростью. Где-то рядом была привычное «не надо, что ты творишь, заткнись, задрипыш». Но... это был первый раз в жизни, когда кто-то чуть-чуть докопался до деда. Точней, до рода. Раньше – вообще никто не знал, и потому – некому было.

Деск посмотрел на меня, и сказал:

«Если хочешь дуэль в формате тренировки – легко. Только – сама договаривайся. И после выздоровления. И – голосом. Пока что, с твоего позволения, я отвечу за тебя»

Он – подождал. Я поняла, что ждёт моего разрешения – за меня. Всего за пару секунд поняла. Кивнула.

Деск повернулся к Люке и сказал:

«Рин – лесная. В городе на снайперках у неё есть варианты, хотя мало-мало. В лесу у тебя – нет. Ещё её не берут собаки. Принципиально никакие. Завидуй молча, пожалуйста.»

Люка бросила на меня очень завистливый взгляд. Вернула на Деска, который продолжал:

«В помещении на пистолетиках вот прямо сейчас – у неё почти без вариантов. Хотя на голом стрельбище где-то на-

верное, процентов на тридцать от тебя отстаёт».

Люка бросила на меня очень заинтересованный взгляд, вернула. Деск – продолжил

«Вот чисто по ножичкам – не знаю. Просто первые раз-два на нежданчике, наверное, она тебя. А потом, поняв её, всё остальное – ты её. Но в реальной резне этого потом у тебя не будет.

И чисто по ножичкам – это приложение к общей рукопашке. А вот тут вы обе – две смерть-машинки с перекошенными мозгами».

Тут мы с Люкой уставились друг на друга. И она, подумав, ткнула в часы, помахала рукой вдаль и поклонилась с кулаком в ладонь. Ответила ей. Посмотрели на Деску, который завис. Потом посмотрел на меня и спросил:

«Рин, ты же ката Сётокана знаешь?»

Подумала. Выкинула ему «двадцать четыре – норм, восемь – так себе»

Он посмотрел на меня, сказал:

«Я ничего не обещаю! Пока не понятно, что получится ли. Но обещаю – без неприятных сюрпризов»

Люка посмотрела на меня мрачно-напуганную, а потом на Деску – очень зло.

Я – ещё более мрачно, не понимая, в чём дело, уставилась на Люку.

Он – посмотрел на меня, на Люку. Мы с Люкой – посмотрели друг на друга и вцепились в друг друга взглядами. Злы-

ми. И не понимающими. Я – не понимала, что она докопалась до Мацумото. И почему так взбесилась на «неприятный сюрприз». И зачем Деск нас взялся сравнивать.

Её, чуяла, тоже подбесило сравнение. И выбило – явление Ангела и его «сестрёнка» в мой адрес. А вот «неприятный сюрприз» – добил.

Ну и, мы – вцепились. Глаза в глаза. Кто кого передавит. И я бы сама сразу бы отвела. Если бы ранее не было наезда на Мацумото.

Деск пару секунд посмотрел, потом гулко рывкнул:
«Взгляды на меня – дай!»

И мы, взглядами пообещав продолжить потом, повернулись к нему.

Он с еле показанной холодной яростью очень ровно отчеканил, глядя на Люку:

«Рина жила на лесном хуторе. С дедом, который для КГБ был беглым военнопленным. В деревню ходила раз в месяц экзамены сдать, в магазин и на почту за книгами. Полгода назад она самообороной зарезала мента и побежала в город на койкоместо без еды у двоюродной тётки. Одна без нхера и любой подготовки к городу. Без возможности говорить. И протянула четыре месяца без малейшего нарушения УК, не считая проездов зайцем, когда деньги кончились совсем. Я её поймал в прыжке под грузовик за три часа до смерти от голода, пиелонефрита и пульмонита. Потому что телевизор и газеты – пролетело над головой, занятой в попытках

найти хоть какую-нибудь работу, где не надо документов и оформления. Но в целом это классическая синусоида карьеры. И вектор намеренности на «выгребайте сами» со спуском резонанса по пирамиде».

Я – чуть злилась, что он про меня. А краем глаза косилась на Люку. Которую нагибало стыдом. Особенно на последних непонятных мне предложениях.

Деск повернулся ко мне. И вбил в меня... Мягче, но – всё же вколотил:

«Люка – инструктор по визажу и имиджу. Была на нелегальном внедрении заменой похищенной. Спалилась на паре мелочей. Прокрутили через допросы, но не доломали. Люто, люто переживает за всех своих курсанток, пытаюсь взять и жёстко выдрочить их так, чтобы они – не спалились. Би-ла морду подполковнику, отстаивая право тренировать так жёстко, как считает нужным. Бесится, что не знает Японию в полном объёме и не может готовить к заброске туда целиком, а только – внешний вид. А пожить пару лет туда никто не пускал».

Я – уронила взгляд. Со стыдом осознавая, каково ей.

Деск вздохнул и сказал ласково:

«Так что, две собаки страшные, хватит друг на друга рычать».

Люка, блин. Рина не пойдёт, никогда, нипочему ни на какое нелегальное внедрение. Я бы сказал, что скорей, совсем наоборот, так что в некоторых моментах кроме тебя – почти

некому. Пожалуйста.

Рина, тоже блин. По ряду вещей, Люка – редкостный мастер...»

Он – замолк, глядя, как я – иду к Люке. Я – подошла, не поднимая глаз, протянула мизинец.

Ну, вообще, очень хотелось поклониться с извинением. Но поняла, что не надо бесить Японией. А ирландка... ну, не знала я, какой аналог у ирландцев. Так что – по детски протянула мизинец и громко подумала «мир?».

Люка горько хмыкнула. Потом взялась за мизинец и сказала:

«Ладно, Маугли, мир».

И – замерли. Я – не вырывала. Она – не отпускала. Я – ждала, чтобы она убрала первой, как старшая.

Она, помедлив, сказала:

«И давай попробуем потихонечку в гражданский мягкий вялотекущий вариант обучения. Заранее извини за жесть, постараюсь сдерживаться».

Я – подняла взгляд. Заглянула в глаза, рассмотрела, что там. Стиснула мизинец. Она – тоже. Потом – разжали.

Деск достал, отдал Люке мой пропуск, сказал:

«Даймё».

Мы с Люкой – пошли.

Я – догадываться, к чему было про ката Сётокана.

Пришли в гардеробную. Там – пофоткались в ростовое зеркало на фоне склада одежды, уходящего вдаль.

Нафоткали с пистолетом.

Включая ту фотку... ну, где я с дебильно-напуганным лицом вижу в зеркале Люку, подкрадывающуюся со спины в чёрной толстовке с АКРИ и ножом в руке, и целюсь – в её отражение, то есть – в зеркало.

Потом Люка сказала, что обычно перед зеркалом задумчиво на себя смотрят в нижней одежде или вовсе голой. Я подумала... и решила назло всему побороть смущение и сняться так.

Только порадовалась, что Деска нет. А то при нём бы – не смогла забороть смущение.

Да... техническая деталь. Пистолет... Люка выдала из гардероба кобуру на прищепке, и кобура, если присмотреться, лежит в углу кадра.

Когатана чуть-чуть торчит из-за резинки. И в хвосте на японской фото.

То фото – выставила Люка. То, что вы видели – я б так сама не встала. И если б видела, как это выглядит со спины – тоже б не встала. Ну, разве что на секундочку, после чего б охренела и засмущалась, что так могу... ладно, по порядку.

Я всё это к тому, что вот та фото – это не я. Это Люка мной. С коварным таким «а давай, чтобы никто не царапал взгляд не идеально точным отражением принцесс, выставим тебя как-нибудь необычно. Ну, типа поймаем момент,

как ты только что докурила, на себя глядя, и босой ногой затираешь окурок, глаза на себя уже подняв, а голову от пола – ещё нет».

*Ну, это вот вам страшная тайна, что на той фото.
Ладно.*

Потом – поменяли бельё на чёрное, завернулась в простынь, и Люка переделала меня в японку. С тёмно-претёмно почти чёрными рыжими волосами. Но как-то умудрилась поймать, что это была тёплая тьма, а не холод космоса. Ну и лицо сделала, кремов не жалея.

Так что, глянув на себя в зеркале... я скинула простынь и посмотрела на себя на самом деле, а не для фото. И смотрела на себя минутку. Понимая... чувствуя, что я впервые вижу в зеркале что-то, что кто-то может захотеть. Посмотрела на Люку, которая стояла сзади и глядела на меня через зеркало с понимающим горько-радостным взглядом.

И – очень захотелось... глубоко поклониться. Но не знала, чем заменить. Потом – вспомнила, что вот недавно Ангел всех пообнимал. И подумала, что мне, наверное, тоже можно. Шагнула к ней... неуверенно. Спросила взглядом – можно ли. Потом – обняла. И – прошептала тихонечко «спасибо».

Она – вздрогнула. Потом мягко, плавно отшагнула, не выпуская из рук, посмотрела на меня с удивлением и сказала: «Вот теперь, наконец, понятно, какого хрена запрет на

речь».

Я – уронила взгляд, еле слышно шепнула «извини».

Она еле заметно вздрогнула, сказала:

«Всё, стоп. Молчи, пожалуйста. И – прости дуру, мне-то подумалось, что у тебя словарный запас – феня с матом, и привычка мерзко орать гопническим голосом, ибо другого нету пока. А ещё завидно стало. Я-то леди изобразить – могу. А ты вошла вся такая в «я – принцесса, всем кланяться», будто в крови. Ну и потом вот это «из рода Мацумото». И Император наш – «сестрёнка»... короче, мне всё ещё завидно. Но пролетарскую злобу на дворян я постараюсь закрыть в сундук. Никак не дойдёт, извини, что я – в Империи, мать её, и сама – полный пайдзец».

Ну, я тут поняла – что.

Маякнула «дай посмотреть».

Она – достала. Я – посмотрела. Потрогала. Вздохнула грустно-зависливо.

Люка – заржала. Убрала. Подставила ладошку. Хлопнулись. И пошли фоткаться.

Про позу на фотке – пояснила выше. Только теперь Люка ещё попросила попробовать что-нибудь сказать жопой в объектив.

Ну, я сначала застыла. От стыда. Смущения. А потом дошло, что она – про «выдать попой какой-нибудь жест». Я – попробовала. С лютым стыдом и смущением. Тёк – поймал на фото. Целиком в полном объёме.

Эффект вы знаете.

Потом мы пофоткались у стены, мелькнул Деск, ушёл.

Потом пошли фоткаться за столом. Где рядом сидел Деск, возникший в японском, с бородой и в парике со сложной причёской. А я – изображала его девушку. Стиснув зубы. Чтобы не реветь от горя. Что – надо как-то изображать полное, невозможное враньё, которого у меня – ни за что.

Дофоткались.

Деск встал, сказал:

«Отлично, фото – всё. Работа – близко к идеально, для первого раза с притиркой команды – выше идеального. Я в охрениии и очень благодарен»

Ну, мне пришлось... подпрыгнуть мозгом, чтобы не воспринимать это за сарказм. То есть понять, что он – в курсе, что мы с Люкой... притёрлись.

Ну, мы похлопались ладошками, что – сделано. Тёк пошёл проявлять. Деск посмотрел на меня, сказал:

«Пойдём, покажешь своё каратэ».

Люка – сразу попросила:

«Можно с вами?»

Он – глянул на неё удивленно. На меня, смущённо опустившую взгляд. На неё. Сказал:

«Ну, пойдём. Только, Люка...»

И изобразил жестаии, что «рот – застегнуть, каску на голову – натянуть и постучать, выставить перед собой стенку и смотреть в амбразуру».

Она – кивнула. Деск подхватил какой-то рюкзак. И мы пошли.

Шла, вспоминала, как это всё. Ну и с силами собиралась. Потому что всё это мы – впроголодь. Только сок из коробок прихлёбывали.

Вот тут наверное, самое место вставить... высказать, наконец. Ну, про болезнь с голодухой вы поняли. И далее – вам не логично будет, наверное – а как это я осилила-то? Сама-то я тогда тупила и не задумалась. Сильно позже удивилась – а как это я? И спросила...

Эта скотина меня обманула. Что такое Бустеры Имму-нитета и Регенерации все ныне знают. В каждой индаптечке есть. И что БИР-7 есть много разных, все тоже знают. Ну так 40 руб. из прайса – это была указана цена доставки. Потому что зелья Иридиевого уровня производства просто не поступают в продажу за деньги и не имеют ценника.

Скотина он.

В общем, мы пришли по коридорам, зашли в зал. В додзё. Борцовское. С зеркалами и пластиковыми татами. Деск – первый, отвесил поклон. Я – за ним. Люка – тоже, чуть скривившись.

Разулись, прошли.

В углу зала на лавочке сидела пара пожилых японцев и один зрелого возраста азиат. Ну... я как-то сразу ощутила,

что – японцы. А вот зрелый – непонятно.

Люка – прошла, села на лавочку. Деск посмотрел на меня, протянул руку. Сняла, отдала пистолет.

Потом он сказал, очень тихо:

«Мацумото! Тут – никого, кроме теней. Ты – не показываешь. Ты – делаешь ката с тенями».

Мелькнуло, что видимо, он с дедом одни учебники читал. Потому что дед примерно с теми же словами выколачивал из меня привычку показывать ката ему, а не драться с тенями. Ну, деда я – довела. Что он натянул всё чёрное, замотал голову и мы несколько раз прокручивали все ката с чёрным человеком. А не просто с расшифровкой каждого движения ката с противником, и описанием, где всё это происходит и почему противники нападают именно так. То есть подбегают по очереди с разных концов коридора, а потом – пройти в комнату. Ну и всё такое.

В общем, я просто вернулась в недалекое детство поиграть в каратэ.

Прошла, села на край татами. Посидела, заполняя собой додзё. Ну и потом – как положено. Встать, выйти якобы из линии учеников на исходную. Поклониться, объявить. Выйти в центр площади исполнения. Пара-пяток секунд с закрытыми глазами выстроить вокруг образ помещения и противников. Открыть глаза, но смотреть на образ. И – бой. Закончить. Поклониться поверженным. Секунду сбросить образ. Отойти на край площадки. Ещё раз поклониться, но уже

додзё. Вернуться в линию учеников.

Пауза. И – следующее ката.

На двадцати четырёх вызубренных – разогрелась... почти перегрелась. И решила всё-таки сделать те, что были не отработаны. То есть мы вообще не крутили их с чёрным человеком, с расшифровкой прогнали только в самом начале пару раз. А потом я зубрила последовательность, и – всё. Ну, вот её и показала. Без построения образа. С края татами честно объявляя: «ката такое-то, последовательность действий». И показывая медленно технику, а не ударяя по теням.

После восьмого я вернулась. Села. И замерла, ожидая, что – дальше. Ну и отдыхая. Потому что последние восемь делала плавно из-за утомления.

Деды в углу – переглянулись. Один кивнул другому. Они встали. Вышли на мою площадку татами. Один – судьёй посередине. Второй – противником.

Секунд через десять неподвижности до них дошло, что я без команды – не пойду. И судья сказал «кумитэ».

Я – встала, вышла на исходную. Поклон додзё. Три шага. Замереть. Судья, помедлив, скомандовал «рей». Поклонились синхронно. Судья – «хаджимэ».

И – мы с дедком перетекли в стойки и замерли. Я – глядя в пустоту за его спиной. Он – пялясь на лицо и пытаюсь поймать взгляд.

Он перетёк вправо. Ещё вправо.

Я – перетекла, чтобы он стал слева. Ну, типа «мне лень

лишний раз шевелиться, так что ты иди-иди дальше по кругу, я постою, подожду».

Он – помедлил. Сделал подшаг. И изобразил начало удара ногой. Я – не шелохнулась.

Потому что меня дед натаскивал... «веса в тебе не хватит принять боковой ногой. Так что стань воздушным шариком, который просто отбросит ударом, не навредив».

Ну, на пятом ложном замахе – ударил. В почку. Ложный. Переходящий в истинный в голову. И в голову бы попал, если бы я не шагнула навстречу удару и не оттолкнулась от удара блоком, разорвав дистанцию.

Мы – замерли. И я поняла, что больше – не прокатит. Ну и ещё от его атаки я поняла, что он почему-то зол. И у нас – не учебный поединок и бить он будет всерьёз. А у меня – нет сил успевать его обгонять, как делала с дедом в боях без сдерживания ударов и скорости, где дрались в масках, воротниках и жилетках толстой кожи.

Зимой в деревне делать нечего. Почти вся работа – летом и осенью. Ну и дед занимался. Шесть часов – для мозгов, Шесть – разная физкультура и спорт. Но это – из интервью и так знаете.

Там, в зале, я начала пугаться. Что сейчас он пойдёт вблизь, я – не успею и он жёстко уработает меня руками.

И тут на грани слышимости прилетел типа вздох Деска. Наверное, все услышали странный вздох. И только я – волчий вой. И – меня бросило в тот момент с тройкой волков и

я со всей дури выдала, «ну давай, убивай».

И дедок-противник дёрнулся в начало атаки и замер. А потом медленно отшагнул. И ещё медленно отшагнул. Потом медленно встал и поклонился.

И я – тоже.

Судья объявил:

«Закончили, ничья».

Противник вздохнул, повернулся, глубоко поклонился судье и сказал:

«Простите, не согласен».

Судья посмотрел на него. Сказал:

«Поправка. Победа...» – махнул на меня рукой.

Я – не поняла. Но – поклонилась судье. Потом – глубоко поклонилась противнику. Он – слегка в ответ. И – разошлись. В смысле, я вернулась типа в ряд учеников и обнаружила, что дедки поменялись местами.

И бывший противник объявил «тэ-машивари». То есть «рукой разбивание предметов». Ну, он – объявил и замер. И я – замерла.

А Деск – встал и достал из рюкзака стопку досок. Вышел на татами с поклоном. Подошёл к судье. С поклоном протянул доски. Судья чуть раздражённо махнул рукой.

Деск – поставил мне доску. Я – вышла. С поклонами. Нервничая, что, наверное, есть какая-то программа, правила, как надо бить. Но я её не знаю. И нервно глянула на Деска. Он – подмигнул. И еле заметно маякнул «правой ру-

кой» и доской «прямой».

Успокоилась.

Разнесла все доски.

Ну, с разбивом чего не очень крепкого... «разбивает скорость, не масса. С твоими мелкими руками скорость – не проблема. Просто научи кулаки и ступни не бояться дерева».

Доски – разбила. А потом Деск выдал. Ну, громко и нагло маякнул всем «заткнитесь»

Достал из кармана яблоко. Достаточно явно показал, что это – горло. И протянул мне на ладони. На уровне адамова яблока.

Это – такая подстава. Бить можно по-разному. Но с брызгами получится только при очень резком уколе сверху вниз, когда яблоко хоть чуть-чуть прижимает к ладони, а не сносит с неё. А тут – разница в росте...

Взбесило. Я, насрав на всё, чуть отшагнула. Потом – подпрыгнула и выстрелила рукой с воплем «кия», выставив фалангу. Яблоко – разнесло. Все – вздрогнули.

Я постояла, удерживаясь, чтобы не задрожать. Потом, как в пустоту накапало чуть-чуть сил шевелиться, медленно, плавно выпрямилась. Молча поклонилась. И вернулась на место.

Деск отряхнул руку, стряхнул с одежды ошмётки яблока, обтёр лицо. Вопросительно посмотрел на судью.

Тот сказал:

«Те-машивари – закончили, хорошо».

Деск очень явно посмотрел на сумки, оставшиеся в углу зала и вернул взгляд на судью.

Тот посмотрел на азиата в углу. Тот – быстро подошёл, склонился в поклоне внимания. Дед, спокойно, но излучая презрение, спросил:

«Зачем демонам документы?»

Переводчик – перевёл. А я – поняла, что он перевёл не всё и сейчас будет непонимание. То есть судья сказал «зачем демонам свитки?». А это – почти «зачем давать демонам палки?» То есть усиливать проблему.

И я – вклинилась. То есть кашлянула и склонилась в поклоне-просьбе.

Судья посмотрел на меня и грубо рявкнул:

«Имеешь мнение высказать?»

Я – тихо, в пол, произнесла:

«Извините за неопытность, и прошу исправить ошибку в моём мнении, что бумага нужна для стен».

Хотелось ещё очень добавить, что «расписных изнутри» и даже пояснить. Но это – подумала громко. И использовала «стен», а не «перегородок».

Судья посверлил меня взглядом. Потом вздохнул. Обмяк. Сказал «тоже верно».

Я – села прямо.

Судья вопросительно посмотрел на Деску. Тот кивнул. Второй дедок принёс сумку. А Деск из коридора – низкий журнальный столик.

Поставил, сел сбоку столика. Дедки сели за столик. Второй – достал, подал книжечку, печать, ручку.

Первый вопросительно посмотрел на Деска. Тот – достал фото и тюбик клея, капнул, размазал, протянул. Дедок вклеил фото. Взял ручку. Написал в книжечке. Вопросительно посмотрел на Деска. Тот достал, протянул бумажку. И мой пропуск. Судья на пару секунд замер, глядя на бумажку и наливаясь бешенством. Потом поднял на Деска взгляд и растянул лицо в злой улыбке.

Деск спокойно пропустил мимо. И сказал по-английски: «Не надо – выкинь». Переводчик – перевёл на японский. Не поняв и упустив смысл. То есть «выкинь ненужное». Я – вздохнула. Деск и судья посмотрели на меня. Судья махнул рукой. Я – перевела, шёпотом: «жги после ухода». То есть ненужные подарки – уничтожай, выпроводив гостей.

Судья повисел несколько секунд. Посмотрел на Деска. Спросил по-английски: «Подскажите, как по-японски лучше написать Айрин?» Я – замерла. От понимания, что мне сейчас выпишут какой-то документ на псевдоним. И от паники ошибки, которую нельзя исправить. Ну, проще паспорт поменять.

Деск сказал по-английски:

«Простите моё незнание японского, могу только высказать мнение, что на английском начало Айрин пишется так же, как начало Ирландия, остров, который к Британии примерно там же, где Окинава к Японии. Возможно, название

Ирландии на японских картах записано в буквальном переводе с английского – страна гнева. Прошу простить, если моё невежественное мнение далеко от истины и бесполезно».

Судья – вздохнул. Потом убрал книжку в сумку. Достал другую. Вопросительно посмотрел на Деска. Тот посмотрел на сумку. На судью. Вопросительно поднял бровь. Судья – не пошевелился. Деск вздохнул. Достал ещё фото, намазал клеем, протянул судье.

Тот взял фото, посмотрел на него. Тихо буркнул себе под нос, но на английском: «худик».

Деск вздохнул, сказал:

«Простите, это, судя по надписи, одежда ассоциации боевых искусств Эдо. И, не будучи уверенными, мы не осмелились».

Судья посмотрел на меня. Я – честно подумала, что да, на толстовке именно такой принт.

Судья помедлил. А потом начал хихикать. И второй дедок – тоже. Хихикая, вклеил фото, вписал в книжку. Проставил печати. Протянул соседу. Тот – тоже расписался и поставил печать из своей сумки.

Судья выдохнул. Перестал хихикать. Встал, вышел на середину зала. Я – вышла к нему. Он – с поклоном протянул мне книжицу. И сказал:

«Поздравляю, Мацумото-сенсей».

Я – замерла. Потом поняла, что тупить, что происходит, буду потом. С глубоким поклоном – приняла, пытаюсь судо-

рожно сообразить, что делать дальше.

Подарки – надо разворачивать сразу. И показывать наслаждение. А записки – нельзя, ибо написанное пишут, как раз чтобы было прочитано после ухода.

Приняла. Деск – поклонился и сказал. В основном – мне.
«Спасибо за экзамен».

Ну и у меня – щёлкнуло, что если это – экзамен, то я должна знать, на что экзаменовалась и что написано в книжице. Так что – почтительно приложила ко лбу, к сердцу и глубоко поклонилась.

Судья – заржал в голос и сказал:

«Всё, демоны, идите».

Деск подхватил столик, и пошёл на выход. Мы – вышли в коридор, с поклонами. И ушли.

Спустились. К Люке. И только там, вернувшись в комнату, где – безопасно, я – расслабилась. И начала падать. На подставленные руки Деска. Который меня, как мячик отпассовал в кресло.

Люка всунула в свободную руку коробку сока. И я жадно присосалась. Потом посмотрела на два взволнованных лица и жалобно сказала:

«Простите, я – всё».

И – потеряла сознание.

Обычно я снов не помню. Но тут – запомнилось. Что под громовое хихиканье японцев, Деск дерётся с Люкой на но-

жах. Потом кладёт её на столик, рубит в фарш и намазывает меня этим фаршем. Включая лицо. Потом ставит перед зеркалом, и я смотрю, как я – растворяюсь. Ну и смотрю на пустоту в зеркале. Меня – бесит. И зеркало разбивается. И остаётся просто пустота. Которой то очень много, то – только точка, где я.

И много-точка скачет всё быстрее и быстрее, сливается в вибрацию. И я – просыпаюсь с ощущением падения.

Полежала, осматривая комнату и восстанавливая равновесие. Но не работу мозга.

Вспомнила. Подумала, что не уверена, что день – не приснился, а был. Потом поняла, что лежу в трусах и майке. А не в чёрном белье. То есть, или – приснилось, или меня кто-то переодел. В лучшем случае – Люка забрала одежду.

Встала. С трудом. Еле двигаясь. Ощутила боль в кулаках. Посмотрела. Поймала краем глаза, а потом – пальцами и рассмотрела кончики волос.

Убедилась, что вчерашнее – не приснилось. Хотя кажется – сном.

Провела по ноге, понюхала. Убедилась, что она – в остатках какой-то мази. И что мазь – на всех руках и ногах. Поняла, что мазь накладывал – точно Деск. Ноги, судя по мази, заканчивались на копчике.

Стало... ну, сил нашлось – взгрустнуть.

Поплелась, очень аккуратно, чтобы ноги не подламывались, в душ. Потом выползла на кухню, где он сидел и пе-

чата. Упала на стул. Медленно съела омлет, выпила чай с шоколадным тортиком. Без мыслей и эмоций. Машинально. Мозг – всё ещё мотало. Просто было ровно плохо. Ну и грустно, что я – никакая, и ничего не могу, как корявый лысый кустик.

Деск – подсел. Налил себе чаю. Положил кусок торта. Спросил, ласково, задушевно, с толикой восхищения:

«Ты живая, чудовище?»

Я вяло на него покосилась. Вздохнула. Показала «чуть-чуть». Потому что вообще ни сил, ни желания делать какое-то лицо после вчерашнего не было.

Он – спросил:

«Печатать – сможешь?»

Кивнула.

Он – кивнул на комп, сказал:

«Сможешь как-нибудь по простому накидать статейку про разницу между тупо покрасить волосы от балды под актрису и перекраситься вдумчиво в кого-то? Люку – клинит. Сложные вопли из неё лезут. А надо что-нибудь простое и понятное, на уровне совета двенадцатилетней школьнице. Накидай что-нибудь пожалуйста на пару-пяток страничек. Люка и редактор потом доправят».

Я – кивнула. Переползла до компа.

Села. Потупила в тупой экран. Потом, как-то... ну, как вхлам пьяный, который не осознаёт, что делает, – накидала что-нибудь.

Кстати, мне просто было лень править напечатанное. Так что в «Перекраситься? А зачем? Точней – в кого?» я-то думала, что редактор оставит «Перекраситься – в кого?».

И политическую ложку острого перца я в статью – просыпала. Случайно. Ну, в голове отложилось, что Ангел зашёл привет ирландцам передать. А я про текущую зарубежную обстановку – не в теме. Но откуда-то всплыло... вот это сравнение Японии и Ирландии про «Вся разница – что жителей земли гнева в 18 продавали в рабство на вывоз, на Барбадос, например. А из Страны Восходящего Солнца – не вывозили. И якудза менее интернациональна, чем, например, китайская триада»

Но редактор... читайте – кто, жасхнул мою статью вообще без редактуры.

Только поделил на две статьи.

Одну – про перекраситься и одеться под цельный образ, включая то, по какую сторону стола с кем ты.

Вторую – про своё место, обучение на него и построение своего стиля жизни изнутри, от того, кто ты сама на самом деле. Фразу, что иногда надо нарываться на встряску, чтобы осыпалась налетевшая по пути пыль и старая пудра с заживших синяков, писала не совсем я. Не помню. Может, вот её-то вставил редактор.

Я писала только от себя и про себя. Про состояние полной

пустоты с пониманием, что вообще я – не совсем полный задрипыш. Раз Ангел сестрёнкой обозвал. Но Деску, который «братуха» Ангелу, я – мелкая сестрёнка и – всё. Как бы – жри что дают и не выпендривайся.

В общем, дописала. Сохранила. Повернулась к нему, сидевшему за столом с распечаткой. Маякнула, что – всё.

Он – сел рядом, рассказал-показал, как отправлять файлы по сети. Сделала, кое-как запомнив.

Потом – спросил:

«Ты в каллиграфию – можешь?»

Подумала, показала «чуть-чуть».

Он – принёс рисовой бумаги, кисточку. Бумажку с записью «С глубокой благодарностью моему (первому/второму) экзаменатору. Айрин Мацумото». Спросил, смогу ли перевести-написать. И нет ли мыслей, что дополнить. Положил тот ручку-кулон. Взяла, зачеркнула «глубокой», написала «наивной-открытой-пустой (без маски) = искренней» Поставила знак вопроса.

Он – глянул, сказал:

«Давай сама выбери. Я не очень в глубинах японской культуры».

Не думая, взяла «пустой». Просто эмоционально. Ну и всё остальное – тоже не очень думая. Со второй попытки накидала что-то похожее первому экзаменатору. Повторила – второму.

Ну вот не было у меня тогда глубокой мысли первое писать вспышками огненных ударов, второе – ровно, как дыхание и контроль движений противника. Вот честно, я вообще ни хрена не знала, кто эти два японских деда. И шухер, который был после попадания этих писем на форум каллиграфии – я вообще не ожидала. Люди, ещё раз: я не настолько владею каллиграфией. Так получилось.

И тем более, блин, я была вообще не в теме, что оказалась на острие информационной драки двух Империй. Мне никто не рассказывал, что Ангел в аэропорту всучил Пайдзы четырём японским мастерам прилетевшим на разведку – и из своих додзё, и вообще. Никто не рассказал, что судья с моим дедом в одном додзё занимался и были они заклятые враги. И судья в плен не попадал, но тренировал американцев и вообще зашёл в Россию от ЦРУ с просьбой запороть открытие в России додзё и импорт военного психоза, цитируя Ангела. И тем более мне никто не рассказал, что второй экзаменатор в карате – первый дан для галочки, а так-то – восьмой айкидо. И печать шлётнул своей школы.

И не было такого, что первый номер Экзисты я переводила на японский, после чего его перевели с японского на английский, потому что якобы что только так с японского на английский мог получиться такой философский трактат.

Короче, ничего этого – не знаю. Не было.

Как есть рассказываю, как на духу.

В общем, я – дописала, отдала. Он – спрятал, унёс. Сел со мной за стол, сказал:

«Огромное... без маски, спасибище тебе. Есть просьбы, пожелания?»

Я – подумала. И решила чуть-чуть мазохизма.

Ну, вспомнила, чего у нас в холодильнике – нет. И в русской столовой – тоже нет. И попросила:

«Почему-то захотелось... случайно, в городе нет повара японской кухни? Хочу сравнить мисо, которое готовил дед, с тем, что от японского повара. И роллов хочу, дегустационный поднос по четыре штучки совместимых»

Он – посмотрел на меня неверяще.

Я провалилась в себя от стыда за собственную наглость. Молчали секунд десять. Потом я ощутила, что он вообще на меня не смотрит. То есть я – пустое место.

Сдержала плачь. Ну, почти.

Смахнула слезинку, шмыргнула и прошептала:

«Извините».

Встала. Со второй попытки. С первой – ноги не смогли и накатило головокружение. Шагнула...

Вернулось ощущение его взгляда. Очень яростно-весёлого. Он – рывкнул:

«Сядь!»

Я – вздрогнула. Очень хотелось убежать. Удержала мысль, что если попробую бежать – упаду. Разревуся прямо тут. А он понесёт в кровать, как слабачку.

Так что – сцепила зубы и лицо, аккуратно рухнула обратно, ругая слабое тело.

Посидела, сторбившись, молча глядя перед собой. Смахнула слезинки. Шмыргнула.

Начала накатывать пустота, безразличие в мыслях и чувствах.

Он – спокойно сказал:

«Это – хорошая мысль. И – возможно. Но – завтра. Как отлежишься. Ладно?»

И у меня по разуму покатилося, без слов, сухой голой мыслью – «завтра, завтра, завтра, потом, потом, потом, в будущем, в будущем, в будущем, не сейчас, не сейчас».

Я горько кивнула вот этому ответу, что всё останется в завтра. Мне не догнать свои мечты про завтра, ибо сегодня я лежу пластом.

Ну, вы поняли, что это за песня. Изначально мысль была такая. Потом отредактировано.

Он подумал, спросил:

«А ещё мысли-пожелания есть?»

Я покачала головой. Он:

«Ладно. Тогда – травок выпей и иди под одеяло, если хочешь»

Кивнула.

Он снял с плиты парившийся заварочный чайник, поста-

вил мне его, пиалку, кувшин воды.

Налил. Ушёл к компу.

Я машинально взяла, упираясь локтями в стол. Начала пить, отстранённо наслаждаясь горечью до сладости.

На второй пиалке он замер. Хмыкнул. Залез в стол, достал радиотелефон. Через пяток секунд телефон зазвонил.

Ну, я это видела, краем глаза. Но даже ничего не подумала. Хотя мозг от чая уже запускался потихоньку, но – так, типа мыслей что «ему что-то написали, сказали, что – позвонят. Ну и он достал телефон до звонка».

И то, что это телефон, я поняла, когда он заурчал вызовом, а Деск взял и сказал:

«Привет, ты как ныне?... Ага. Я – нормально, дописываю... Конечно, заходи... Давай сама... а вот и узнаем... передаю»

И передал трубку, тяжеленную, удивлённой мне.

Взяла этот кусок нереальности. Ну, это был мой первый телефонный разговор. Сразу – по мобильной. Тогда – правительственной радио.

В трубке раздался голос Люки:

«Ринка, привет! Я вообще всё помню про то, как у тебя с разговорами. Но вот решила узнать, а как оно через телефон. Попробуем?»

Я – зависла. От трепыхнувшейся надежды, что может быть, через аппаратуру мой голос как-то не так. Потом тихонечко сказала:

«Привет, Люка. Давай»

Люка:

«Попробуй громче, пожалуйста. Не очень слышу»

Вздыхнула. Заранее сморщившись от предчувствия отдачи, повторила громче.

Он – встал, подошёл, наклонился, потыкал на телефоне кнопочки, и голос Люки – загремел, а мне маякнул «можно не орать». Люка спокойно сказала:

«Я в гости хочу заглянуть. Фоток занести, что у нас получилось. И ещё небольшую, всего пяток вёдер, сумочку одежды и мелочёвки для дочки даймё. Два вопроса возникли. Ты платья – носишь? Или всего пару для тренировки положить?»

Повисела. Пытаясь сообразить, как сказать, что денег нет, и не могу себе позволить.

Люка, не дождавшись, закричала:

«Алло, Рин?»

Меня зажало страхом со стыдом. Что и времени сообразить – нету, а я всё туплю.

Деск встал, подошёл, наклонился, сказал громко:

«Абонент думает. Вероятней всего, не успел сообразить, что за работу фотомodelью и статью положен какой-то гонорар. И тем более эта зверуха лесная не в курсе размеров гонораров за такие работы. Так что сидит и плющится непониманием, как бы тебе сказать, что денег – нет, и отказать, не обидев».

Меня, пока говорил, разодрало... ощущением теплоты, что он меня – понимает. И обидой, что он меня – сдал. Но и то и то было такое... тупенькое. Ну, понимает, и – чего? Ну, братик же. Ну сдал, и чего? Тёть Люка же.

Люка в трубке воскликнула:

«Хераси Пирикоси!»

Меня против воли улыбнуло. А Деск сказал:

«Ну да. И пока она у нас...»

Вот тут в душу жахнуло... как летним ливнем на пыльный лес. Ну, я ощутила, что они это – серьёзно. Точней, не серьёзно, а очень привычно, как что-то само собой и уже лет несколько как. Абсолютно не понарошку. Что я – у них. Что я, извращенка мелкая и засранка голосистая – у них, а не только у Ангела.

Голос Деска... там, наверное, было «...без кованой пластинки с пока непонятно какими значками, не видать ей коммунизма с полным обеспечением». Ну, это пролетело где-то мимо.

Я попыталась сдержаться. Не смогла. Вскочила, пошатнулась от потери равновесия, и шатаясь, выбежала из места, где про меня болтали два человека, которые...

Короче, это сейчас я такая умная вся набитая учебниками и опытом. И слова знаю описать. А тогда меня пипец рвало, просто в пыль агонизирующую раздирало душу от того, что я полностью ощутила то, как они ко мне. Их, грубо говоря, любовь к товарищу по банде. К новобранцу в отборном кол-

лективе. Их радость, что появился ещё кто-то, к кому можно – спиной и кто прикроет ещё одно направление, взяв часть работы. Свою пайку работы из общей кучи. И от них шло почти то же... давно забытое из детства... ощущение папы с мамой. Ощущение взрослых, которые любят и готовы заботиться. Но.

Я чувала, что они очень хотят меня рядом. Спина к спине и в обнимку. Но – не сдвинуться. Не имеют права менять ради меня свою позицию. И попытка их поменять будет воспринята, как атака. И они, сцепив зубы от горя, порвут со мной.

И мне надо было быть такой же. Сидеть на своём месте так же. И только тогда я могу себе позволить осмелиться выдать им хоть какие-то ответные чувства без опасения, что отдачей меня снесёт за горизонт.

Да, «Безоткатная любовь» – из вот этого момента. Надеюсь, теперь понятней, почему она такая... цитируя типовой отклик – «чую, что там какая-то огромная мысль, но пятый раз переслушиваю – а она ускользает. Чёртова магия высокой поэзии, я тупой, убейте меня».

Ну и ещё раз, коротко. Они уже считали, что я – там. И одна часть меня хотела быть там. И не хотела, не могла себе позволить не оправдать их ожиданий. И если бы речь шла только о том, чтобы умереть с ними в атаке, прикрыв собой – всё было бы очень просто и легко. Но надо было ещё и

ответить им на любовь. А меня снесло за горизонт отдачей, что – кто я такая, чтобы. И какая я, чтобы. И что я им наношу просто голосом. Не говоря об остальном.

Ну и меня – разорвало. Часть... тот мизинец в руке Люки – там. Часть... (хер на стыд!) кричащая в объектив попа – за горизонтом. Остальное – мелкой пылью между.

Забилась под одеяло и рыдала. От бессилия. От того, что я – слабачка.

Выплакалась до тоскливой пустоты. Тихого скулежа на одной ноте без мыслей. С ним и уснула.

Из сна осталось, что я каким-то образом, как приседания, под мерный голос деда «ить-ни, сан-си» делаю телом упражнение. Именно деда и – на японском, которое звучит «раз-два, три-умри». Упражнение было... ну, я на раз-два растягиваю тело, как резиновое и отпускаю. А на «три-умри» стискиваю и отпускаю умереть. И оно с каждым разом становиться всё жёстче, будто остывает. Силу растяга-сжима я не меняла. И когда оно перестало тянуться-жаться, дед сказал: «закончили», и я проснулась.

Кто почти в теме – да, это доработало иридиевое зелье.

Проснулась. Тело – ощущалось. Как какое-то новое. С которым что-то произошло, и теперь оно может двигаться равномерно, не уставая. И оно лежало скромно, с достоинством

ненавязчиво готовое показать, как оно теперь может.

Ну и ещё ему хотелось, но так же ненавязчиво, в душ, в туалет, и поесть.

Настроение и состояние мозга были какие-то спокойнo-боевые. Ну, как на игре в допрос с дедом. Где я – следователь и я знаю, что получу ответы, как бы не брыкался и не юлил допрашиваемый.

И список вопросов у меня – был.

Можно сказать, что я собралась из размазанного состояния. К жопе. А передо мной лежала тропинка с развилками вопрос-ответ. И я видела, куда она может привести. Причём почти все выходы были где-то там, в команде. Просто – в разных местах, половину из которых я не видела, потому что там – не бывала мысленно.

И... как бы... чувство долга превышало стыдливую панику, что на краешке вариантов выхода маячило, то, где мы с Деском – за столом, а я – его девушка.

В коридоре – услышала на кухне за дверью голоса Люки с Деском. О какой-то геометрии про толщину щита по сравнению с танком. Смутно поймала, что они про образ и его вскрытие группой. Но абстрактно, а не вообще. И – так, привычно фехтуют подколками для удовольствия поединка умов на словах.

Ну, туалет-сполоснулась, настраиваясь – войти туда, к ним. И не улететь от отдачи. Остаться идущей по тропинке, а не летящей, сломя голову, через лес на натянутом канате

долга любви.

Вошла. Встала. Там было – именно так, как представлялось. Их пространство, куда меня готовы впустить, и будут рады. Но не тащат. А прямо сейчас можно зайти в гости и осмотреться-обнюхать. И никто не будет ругать, что тыкаюсь носом в углы. Хотя – не станут особо сдерживать улыбки, что – носом, а не пальцем.

Скользнула взглядом по Деску, встретила с Люкой. Она сказала, очень... без усилий:

«Привет. Присоединяйся».

Кивнула на третью кружку на столе.

Села.

Хлебнула, посмотрела поверх кружки на Деска, на Люку.

Люка:

«Мы тут умничали про образы с имиджами. Это у нас любимая тема поспорить, где нам есть, чем померяться. Потому как у меня – вкруговую, для шпионов, а он разбирается в сфокусированном показе на камеру, в кино. Ну и вот обсуждаем, проходит ли через камеру ощущение объёма погружения актёра в образ, или на камеру можно не хоронить в памяти жизнь за кадром.

Но это не про тебя, грёбаная шиноби»

Меня – улыбнуло. Смутило, но не согнуло. Улыбнуло и вопросительно задрало бровь.

Люка, с восторгом и возмущением:

«Я про себя – помолчу. Я тебе факт скажу. В циферках.

Тестовая группа зрителей фотосета, тридцать человек. Вопросы со шкалами в пять уровней от «точно нет» до «точно да» с нулём очков на «не могу ни да ни нет», где «скорей всего» – одно очко, а «точно» – иногда два, иногда три, в зависимости от вопроса. В этом вопросе – три. Не сложно ль?»

Я – кивнула. Радуюсь, что мозг работает ровно и без напруга понимает, что это за метод сбора данных.

Люка расплылась в коварной улыбке и спросила:

«Как думаешь, какое арифметическое среднее на... там сначала, «опишите ощущения, как думаете, этот человек _____»? И только потом – «Японка и ирландка на фото – двойники, но разные люди?»»

Пожала плечами. Потом показала «два с половиной». Ну, было предсказуемо.

Люка посмотрела на меня. Повернулась к Деску, возмущилась:

«Не, ну ты глянь. Она и не скрывается даже!»

Деск смотрел на Люку с улыбкой. Сложной. Ну, подыгрывал по поверхности, и с мудрым сарказмом в глубине.

Она – рассмотрела. Посмотрела на меня. Вздохнула.

Сбросила бабское щебетание. Сказала ровно, с простреливающей жёсткостью и болью:

«Рин. Мы – мудрые. Само собой, понимаем, что вот это вот бабское бла-бла с охочками и ахачками – болтовня ни о чём. Шумы без особой деятельности.

Но я своим объясняю так:

Социум – механизм. Ты – деталька. Или узел деталек. Не важно. Суть в том, что ты касаешься, стыкуешься с другими детальками. Как шестерёнка с другими. И вы – вращаетесь некоторое время вместе.

Идеального совпадения в реальном мире – нет, и не будет. Потому нужна смазка. Сало, подсолнечник, графит, дёготь. Хотя что-то. Иначе – быстрый перегрев и заклинит. Или треснет от нагрузки. Или очень сильно сотрётся, сгрызая стружку в процессе притирки.

Вот это общение ни о чём – это смазка. И неспешное совместное вращение без нагрузки, понять, есть ли притирка.

И эту смазку, ну хоть какую-то, каждая деталька социума должна выделять сама. Если она не какой-нибудь угрюмый резец, годный только для одной и только одной работы и общающийся только с тисками надсмотрщиков, где смазка – наоборот, вредно, и резец – отучили.

А детальки – из разных материалов. Есть – деревянные, бронзовые, каменные, резиновые. Которые портятся от не той смазки. Они-то надеются на три тысячи в минуту и выделяют автол, а к ним – каменный трёхтонный вал холодного проката с гидравлической жидкой резиной. Это не говоря про кислоту-щёлочь смазки для устойчивости к нагреву и про смывку старой смазки мылом.

Это я тебе в пару абзацев попыталась запихать пару десятков учебников по социологии. Осилишь осознать – гений.

Я – к конкретному случаю. У нас скорость работы и плав-

ность хода – высокая. Мы с тобой... скрежетнули без смазки, и стружка полезла. Но потом от того – очень притёрлись. И можем... ну, надеюсь, работать как хорошо подогнанный узел деталей. Где работать – это, в том числе, производственно общаться.

Например, тебе положено, по договору работы фотомоделлю, подписать разрешение на публикацию конкретных фото. Для этого, теоретически, если мы – деревянные шестерни ветряной мельницы, тебе надо отсмотреть около тысячи фото и выбрать, где ты себе нравишься, а где – нет. Но мы – не деревянная мельница.

Так что я просто сообщаю тебе, что ты на всех фото держала образ и там в печать годно всё. И мы просто выбрали лучшие фото с разными сообщениями. А тебе осталось только посмотреть и выбрать, что из заготовленных сообщений ты хочешь сказать людям.

И это – твоя работа. Это ты фотографией что-то говоришь. Пусть по команде или просьбе режиссера. Но говоришь – ты. И потому – выбираешь, что сказать, а что – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.